

попаданец

ПОЩУНГ

Александр Казанков

ТЕНЬ
ПРЕДКОВ

Попаданец (АСТ)

Александр Казанков

Тень предков

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Казанков А. П.

Тень предков / А. П. Казанков — «Издательство АСТ»,
2019 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-112406-9

Святослав Романов – не профессиональный военный, не опытный фехтовальщик, а пресыщенный жизнью спортсмен. У него было все, о чем он мог только мечтать. Деньги, слава, карьера, любовь женщин... И разве мог он когда-либо подумать, что в один миг перенесется в тело подростка, оказавшись на границе Дикого поля. Ему предстоит выжить в новом мире, полном войн и несчастий, где сострадание – синоним слабости и только сила решает все. Русь, тринадцатый век, время перемен... Время, когда старый мир рухнул и на его осколках начал зарождаться новый...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-112406-9

© Казанков А. П., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава первая. Звезда	6
Глава вторая. Дурной сон	14
Глава третья. Пробуждение	16
Глава четвертая. Быт фермера	20
Глава пятая. Повороты судьбы	29
Глава шестая. Ночь перед судом	39
Глава седьмая. В царстве Морфея	45
Глава восьмая. Первая битва	48
Глава девятая. Судилище	57
Глава десятая. Дикая охота	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Казанков

Тень предков

© Александр Казанков, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава первая. Звезда

Трибуна вздрогнула, волна возбуждения прокатилась по рядам болельщиков всепоглощающим азартным жаром. Все как один вскочили со своих мест, секунды до конца матча, на табло счет «три-три». Рывок, игрок под номером одиннадцать сносит с ног нападающего Марка Шурма, перехватывает шайбу, обходит защитника «Бостон Брюинз», выходит к воротам, слышен скрип коньков по льду – и удар. Над ледовой ареной повисла тишина. Шайба с осколками льда ворвалась в ворота «Бостон Брюинз»... Протрубила сирена, возвещая об окончании матча. Вратарь упал на колени и с яростью ударил клюшкой об лед. Толпа болельщиков взревела от восторга. «Вашингтон Кэпиталз» вырвал победу у «Бостон Брюинз». Впереди плей-офф!

– И снова победу вашингтонцам принес русский легионер Святослав Романов под номером одиннадцать на форме, но номер один в наших сердцах, – прозвучал голос комментатора. – Какая победа! Давно болельщики не видели такой игры. Опытный бомбардир, настоящий русский великан, скала.

Вспышки фотоаппаратов и блеск ночной жизни Нью-Йорка... Да, Святослав любил такую жизнь. Быструю, стремительную, яркую. Самые красивые женщины, дорогие машины и вечеринки, всеобщее преклонение – все это заставляло биться его сердце быстрее. В свои тридцать три года он имел все, что только может пожелать мужчина.

Святослав выбрался из «ломбарджини», бросил ключи молодому пареньку в форменной одежде лакея и двинулся по красной дорожке ко входу. Паренек с завистью посмотрел на машину и сплюнул на пыльную обочину. «Почему одним всё, а другим ничего?» – подумал юноша, утонув в кресле дорогого автомобиля.

А Святослав не спеша шел по дорожке тщеславия. Вокруг вспышки камер, толпы репортеров и болельщиц. Банкет в честь его любимого, надежды Вашингтона и грозы НХЛ. Святослав остановился и развернулся к камерам, принимая позу поэффектней. Мужественная улыбка русского витязя часто занимала первые страницы модных глянцевого журналов.

Мальчуган, в футболке «Вашингтон Кэпиталз», пролез под красной лентой и подбежал к Святославу, протянув ему хоккейную карточку. Парень хотел было что-то сказать Святославу, но охранник по кличке «Малыш Джон» – огромный негр, заслуживший прозвище писклявым детским голосом, схватил мальчонку за рукав футболки. Ткань не выдержала и порвалась. Десятки репортеров осветили дорожку вспышками камер.

Можно представить заголовок утреннего выпуска желтой прессы: «Охрана Романова избила ребенка».

Святослав, изобразив сочувствие на лице, отодвинул Джона и наклонился к пареньку. Тот был совсем бледным, голубоглазым мальчуганом с черными волосами. Мальчик был в одном шаге от того, чтобы разрыдаться на всю улицу. Романов снял с руки «Ролекс» и протянул пареньку.

– Как тебя зовут, храбрец?

Мальчик стоял и не мог пошевелиться, впад в ступор. Наконец проглотив ком, застывший в горле, тихо произнес:

– Ланселот.

Святослав чуть не рассмеялся. Ну и имечко. Отца, наверное, король Артур зовут, а мать Гвиневра. Повезло же ему с родителями.

– На, держи, храбрец, и помни, «Вашингтон» впереди всех.

В толпе кто-то ахнул. Можно представить, сколько стоят эти часы. А Святослав потрепал парня по голове и двинулся дальше.

Ночной клуб «Сорасабана», открытый еще в 1941 году, считался лучшим клубом Нью-Йорка, вмещал более четырех тысяч человек. И сегодня все они пришли чествовать его, Святослава! Дейл Хантер, главный тренер «Вашингтон Кэпиталз», знаменитый тем, что сумел набрать более тысячи очков при трех тысячах минут штрафного времени, крепко пожал руку хоккеиста. Американец недолюбливал русского, уж слишком часто тот сыпал всякими умными словечками, о существовании которых Хантер даже не подозревал.

«Ох уж эти русские, все у них не как у людей. Спортсмен должен быть сильным, ловким и выносливым, говорить мало и односложно. А русские спортсмены еще и разговаривают, что за чудачки», – думал Хантер.

Музыка на время прекратилась, и огромное помещение мгновенно наполнилось хором множества голосов. «Поздравляем, поздравляем!» – разносилось по залу, после чего дружно грянули аплодисменты. Зажглась пиротехника, яркая иллюминация, грянула музыка. Все сверкало и светилось, но ярче всего этого великолепия было лицо Романова. Святослав был счастлив!

Клуб гудел как пчелиный улей. Даже горячая латиноамериканская музыка не могла заглушить тысячи голосов, слившихся в один бесформенный фон. Полуобнаженные загорелые латиноамериканки извивались на сцене в такт ритмичной музыке. Святослав весь вечер жал руки малознакомым людям, время от времени попивая коктейли. Представитель фирмы «Адидас», Стив Тейбл, предложил Святославу сняться в рекламе каких-то новых кроссовок с подпружиненной подошвой. Святослав, конечно, согласился, но решил, что ход весьма странный. Хоккеист, рекламирующий кроссовки, – это то же самое, что боксёр, рекламирующий коньки. Как корова на льду. Домой Святослав отправился в компании двух юных моделей из ищущих. Это такой особый вид девушек, которые ищут, как бы удачно пристроить свой зад. Конечно, в переносном смысле.

У выхода из клуба на Святослава наскочил старик, похожий на бомжа.

«И как этот старик прошел через кольцо оцепления?» – подумал Романов.

Святослав оттолкнул старика, который уже хотел вцепиться хоккеисту в руку. Вытащил из кармана мятый полтинник и бросил упавшему на дорожку бродяге.

– Помогите, – прошептал старик и протянул руку Романову, – помогите, пожалуйста, ради бога!

Святослава передернуло от волны непонятного страха. Что-то зловещее исходило от старика, непонятное. Святослава ослепила вспышка камеры. Романов прикрыл на секунду глаза. От вспышки поплыли яркие круги, а в кругах мелькнуло что-то темное и мерзкое. Святослава повело в сторону, и только рука охранника Боба помогла ему не упасть. Святослав открыл глаза и увидел на лбу старика промелькнувшую печать – черный пентакль. Романов отбросил руку старика и быстро двинулся к машине. Старик его пугал.

– Помогите мне, они заберут меня, – снова взмолился бродяга.

Что-то в этих словах взбесило Романова, и он развернулся к старику:

– Ну что ты ко мне привязался? Я дал тебе денег, иди, пей свой виски. Мне нет никакого дела до таких, как ты.

Старик посмотрел на спортсмена обреченным взглядом, полным боли и отчаяния.

– Когда-нибудь тебе тоже будет нужна помощь, но никому не будет до тебя дела. Ты думаешь, что ты господин своей жизни, что ты лучше меня, но ты всего лишь крупинка, пыль. Ты скоро сам в этом убедишься, Святослав.

От слов старика у хоккеиста волосы на спине встали дыбом. Романов попятился назад, потом быстро развернулся и заскочил в машину. Он старался не смотреть, как охранники выталкивают старика с дорожки в тень, отбрасываемую козырьком здания. Святослав налил себе бокал коньяка семилетней выдержки, хранившегося в баре лимузина. Обычно он не пил спиртное, режим не позволял, но сейчас ему срочно нужно было успокоиться. Это было не

нормально. Он и раньше видел сумасшедших, но этот был не таким. Неправильным, совсем не похожим на бездомного пьяницу. А уж его слова...

«Откуда он знал мое имя? Откуда это чувство смерти, витающее вокруг. Хотя популярного хоккеиста знают многие. Печать смерти, глупость какая, даже самому смешно».

Святослав переборол себя и снова посмотрел в окно, старика нигде не было. Неожиданно в люк влетел сильный порыв ветра, принесся с собой леденящий вой и крик... Вой голодных волков среди бескрайних снегов. И крик человека, которому так страшно, что его язык с трудом шевелится, а из гортани вместо голоса вырывается дрожащий всхлип. Святослав вздрогнул и начал вертеть головой, пытаясь понять, откуда идет этот звук.

– Вы слышите это? – взмолился спортсмен, схватив сидящую рядом блондинку за руку. Модель испуганно закачала головой и отодвинулась к своей подруге.

«Да что, черт возьми, происходит? Может, я просто схожу с ума? Забыться, успокоиться, скорее». Романов отбросил стакан и принялся вливать в себя спиртное. Мозг заполнила пустота, звуки исчезли, а мир вокруг закрутился, и Романов упал на спинку дивана, провалившись в сон.

Святослав проснулся от ярких лучей солнца, но светило оно как-то по-другому. Одновременно такое родное и давно ставшее чужим солнце. Вокруг стояли реденькие березки, вся поляна усыпана высоким клевером и полевыми цветами. На голову парня сел настырный шмель, совсем не обращающий внимания на протесты человека. Романов поднялся с травы и огляделся по сторонам.

– На Нью-Йорк как-то не похоже. Где это я? Надо же так напиться. Ничего не помню... – произнес он вслух свои мысли.

Как ни странно, вопрос, как он сюда попал, в голове спортсмена не возник. Просто это была самая малая его проблема. Все казалось таким большим, необычным, как будто он впервые увидел лес, почувствовал запах свежей травы или первый снег. Чувство, как в детстве. Какой-то странный бодун получается: ничего не болит, жажда не мучает. Наоборот, легко и хорошо на сердце. Святослав покрутил немного головой, посмотрел вдаль и понял только одно – он проголодался. Желудок предательски заурчал. А вокруг ни души, ни одного рестораника, да и вообще никаких признаков жизни. Из далекого прошлого он помнил, что в лесу есть грибы, ягоды, ну или уж как минимум охотники и грибники. Святослав двинулся в сторону леса.

Шел он долго и упорно, попутно сшибая березовой веткой, непонятно как оказавшейся посреди поля, головки полевых цветов. Трава почему-то была необычайно высокой, а ноги спортсмена – необычайно коротки. А ведь он был почти под два метра ростом. Наверное, то же самое чувствовал Гулливер, путешествуя по стране великанов. До леса Романов добрался где-то к полудню, по крайней мере ему так показалась. К этому времени его живот уже не просто урчал, а вовсю бил в барабаны, распугивая полевою братию. Заяц-русак вскочил на задние лапы, повел ушками влево, потом вправо и бросился в лес. Только его и видели.

«А аппетитный зайчишка, – подумал Святослав. – Жаркое из зайчатины, с подливочкой и картошечкой, маринованные грибочки...» М-м-м...

Слюна непроизвольно скатилась по подбородку и упала в траву. Романов сразу захлопнул рот и, мысленно обругав себя за подрывную агитационную деятельность в рядах доблестной, но голодной Красной армии, двинулся дальше.

Лес молодому человеку дал только одно: спасение от палящего летнего солнца, но принес изрядное количество комаров, которые отличались на удивление свирепым нравом и абсолютным отсутствием чувства самосохранения. Грибов в лесу он так и не нашел, по крайней мере съедобных. Поганок сколько угодно, а вот чего-нибудь поаппетитней... Несмотря на это, Святослав не расстраивался и упорно продолжал свои поиски. Он знал, ищущий да обрящет.

Правда, к этому он бы еще добавил: кто много ищет, тот много и огребет. Унести бы столько. Но Господь отблагодарил его за труд и упорство. Романов вышел к малиннику. Вот это удача. Давно он с такой радостью не ел малину, с тех самых пор, как последний раз был у деда на даче. Святослав принялся поглощать ягоды со скоростью уборочного комбайна, жалея только о том, что это великолепие совершенно нечем запить. Обчистив пару кустов, спортсмен двинулся в глубь малинника. И – о радость! Он увидел в кустах человека. Мужик довольно урчал, потребляя сладкие ягоды с ничуть не меньшим наслаждением, чем он сам. Святослав окликнул мужика, тот вздрогнул, а потом развернулся и вышел из кустов на задних лапах. Святослав почувствовал себя таким маленьким и мокрым... Нет, его мочевого пузыря остался цел, просто пот по спине пошел в два раза быстрее. Очень быстро. Мишка посмотрел таким оценивающим взглядом, вроде как – ну и кто ты у нас такой. Съедобен ли? Али еще как пригодишься? Потом недовольно рыкнул, видимо решив, что человек совсем ни на что не годен, и, притопнув лапой, двинулся на него. Явно малиной зверюга делиться не собиралась.

И тут Святослав вспомнил, что у него есть ноги, причем пока еще две. То, как он убежал, в какую сторону, да и вообще, как он очутился у реки, хоккеист не помнил. Сердце бешено билось в груди, норовя выскочить, чтобы убежать еще дальше. Он рухнул на взгорок и устал в одну точку. Несколько раз всхлипнул, будто собираясь заплакать, а потом разразился истерическим смехом. Потому что вспомнил, что в тот же миг, как его ноги пришли в целенаправленное, но не управляемое им движение, крик боевого орангутанга, вырвавшийся из его груди, напугал бедного мишку не меньше, чем мишка Романова. В общем, кинулись они в разные стороны. Притом кто из них быстрее и дальше убежал, еще можно поспорить.

– Ох, и труслив мишка, – подбодрил себя Святослав.

Кое-как уняв дрожь в перевозбужденных членах, он скатился к реке и, склонив голову к самой воде, как собака, жадно начал лакать холодную воду. «Какое же это счастье в жару напиться холодной воды, а потом свалиться с бронхитом в постель», – оптимистично подумал Святослав. И на этой счастливой ноте его размышления прервал громкий звонкий голос:

– Эй, парнища, а ну брысь из-под копыт!

Романов едва успел отскочить в сторону, потому что в реку на полном скаку влетел десяток всадников. В наше время смешно быть сбитым конем, попасть под колеса автомобиля куда ни шло, а вот конем как-то экзотично...

Святослав поднялся с песка и снизу вверх уставился на всадника. Это был мелкий пацан, лет тринадцати. Белобрысый, в белой архаичной рубахе ниже колен, расшитой серебристой и красной нитями на груди, и в красных сапожках. Он, громко смеясь, свесился с седла, смочив руки в реке. А это высоко, тем более для такого малыша, как он. С парнем был еще десяток мужиков зверолодного вида. Такие крепкие, коренастые и одеты ярко, как на маскарад. Все на лошадях, как будто машин отродясь не видали.

Нет, в наше время в Милане и не такое на моделях увидишь, но я же не в Милане. Даже фермеры в Техасе выглядят немного посовременнее.

«А лошади-то какие большие?» – подумал Святослав.

Мальчишка на коне развернулся к Романову и, бросив на него мимолетный взгляд, большего пришелец был не достоин, надменно произнес:

– Эй, холоп, ты чей будешь? Бездельничаешь тут.

Святослав удивленно поднял брови. Борзые тут детишки, совсем старших не уважают. Ух, и наглая молодежь подрастает. И слова-то какие знает – холоп. Руки сами зачесались дать парню подзатыльник.

Но удержался и отвечать мальцу не стал. Не солидно звезде хоккея с ребенком ругаться, да и черная пресса не преминет этим воспользоваться. Отошел в сторонку, чтоб у коней под копытами не мельтешить, и, не обращая внимания на компанию, окунулся в воду. Хорошо!

А вот всадники тушкой Романова заинтересовались. Кряжистый детина на таком же исполинском коне, как он сам, подъехал к Святославу. Настоящий богатырь, вроде Ильи Муромца. Голова круглая, лоб широкий, нос картошкой, мозгов чуть, зато силушки хоть отбавляй.

– Ты что, убогий? Может, слухом слаб али в ухо захотел? К тебе боярыч обращается.

К словам всадник присовокупил огромный кулак, скорее даже не кулак, а булыжник размером с футбольный мяч. Нет, Святослав тоже был не из маленьких, да и драться часто приходилось, болельщики это любят, но связываться с десятком мужиков себе дороже. Спортсмен вышел на бережок. Оттуда голову задирать не нужно, да и чувствуешь себя на холме безопасней.

– Ребят, мне проблемы ни к чему. Сейчас отдохну чуток и пойду себе дальше.

Тощий мужичок с огромными, как у осла, ушами, с вытянутым крысиным носом, да еще и красный, видимо с перепою, противно заржал, похрюкивая на каждом вздохе.

– Ты, паря, видимо и вправду ушибленный, – «Илья Муромец» печально вздохнул. – Чей ты хоть будешь? Хуторской, кузнеца Микулы холоп?

«Да что они все холоп да холоп. И крысеныш все пищит да пищит, так бы и дал ему в челюсть», – злился Святослав. Но сдержался и даже подыграл, похоже, реконструкторам:

– Вольный я, коль на то пошло. Заблудился. Может, подскажете, куда зашел?

Здоровяк покрутил бороду, видимо раздумывая о чем-то, а потом прыгнул с коня и оказался таким большим, что хоккеист по сравнению с ним был самым настоящим карликом. Святослав бросил взгляд на себя, на ноги, на руки, потом кинулся к воде и увидел в отражении реки молодого парнишку. Совсем подросток, волосы черные, густые, ресницы, как у девочек, длинные, глаза голубые, лицо правильное, овальное, скулы узкие и мушка на щеке. Симпатичный шуленький подросток. Святослав так и плюхнулся назад от неожиданности. Нет, проснуться утром в поле – это необычно, но объяснимо. Много спиртного, наркотики, которые он раньше никогда не употреблял, самолет, машина, и вот ты уже в поле, но чтобы тридцатитрехлетний мужик стал подростком. Ну, не бывает так!

– Да не бойсь, не обидим, – примирительно сказал «Илья Муромец», – что мы тати какие. В землях боярина Путята ты.

Святославу само собой это ничего не говорило, кроме того, что словосочетание «боярин Путята» резало слух. Странно такое слышать в наше время. Хоккеист поднялся и отряхнулся.

– А год сейчас какой?

Здоровяк добродушно улыбнулся. Не было уже грозного богатыря, а был добродушный мужчина, многое повидавший и ничему не удивляющийся. Ну, еще явно решивший, что перед ним стоит человек убогий, а значит, отмеченный свыше.

– Так 6708 год от сотворения мира, весна на дворе, – и добавил, предупреждая вопрос: – Княжество Переяславское, а княжит сейчас Ярослав Всеволодович. А ты чей будешь? И как ты тут оказался? Роду ты вроде не нашего, а говор наш. Может ромей, они в языках шибко сведущие?

Такой поворот событий окончательно добил Романова. Вот ты в лучах славы, на пике карьеры, и вдруг оказываешься в дремучей Руси. То, что Переяславль – это Русь, даже Святослав знал. 6708 год... да-мс, явно не будущее. Вчера был 2012-й на дворе, маловероятно, что наши потомки через четыре с половиной тысячи лет будут выглядеть так. Нужно что-то отвечать.

– Да русский я, издалека только. К князю вашему ехали, а я потерялся. – Святослав простодушно улыбнулся, мол, ну глупый, ну не путевый, так не убивать же меня за это. А убивать никто и не собирался, только если исключительно прибрать, что плохо лежит.

– А кто докажет, что ты вольный, а не рябичич? – встрял крысеныш.

– Ничего я никому доказывать не должен. Презумпция невиновности, слышал такую? – возмутился потеряшка.

– Чего? Ты мне всякие глупости свои ромейские не говори. И не дерзи старшему, а то я тебя вмиг научу старших уважать. Батогами отхожу, так что мало не покажется.

Святослав даже попятился. Ох, не просто грозит крысеныш, такой гниде человека забить, что муху хлопнуть. Остальные всадники внимания на чернявого мальчонку не обращали, коней поили. А вот парню в красных сапожках стало интересно. Странный чужак, потерявшийся в степи, и взгляд у него наглый.

– А может, половец? Глаза как у волчонка. И смотрит нагло, может, сын подханка какого? – вмешался парень.

Так, дела совсем плохи. Половцы, печенег, татары – их на Руси любить было совсем не за что.

– Да что вы, какой он половец, – отрезал «Илья Муромец». – Половцы так по-нашему разуместь не умеют. Ума у них маловато. Да и не похож он на половец. Те страшные как черти. Хотя о русских я тоже никогда не слышал, нет в здешних землях такого племени.

– Так я и говорю, может, подханка сын, те себе в жены красивых баб берут, горячих... – не унимался парень.

– Шибко много знаешь, – «Илья Муромец» махом отвесил парню подзатыльника, – постыдился бы старших.

Да высок был здоровяк, ему даже тянуться не понадобилось, чтобы леща подопечному отвесить. Парень отъехал в сторонку, на безопасное расстояние, и тьякнул:

– А ты на меня руку не подымай. Я все папке расскажу, он тебя живо накажет, – голос парня сорвался и дал петуха.

Брови «Ильи Муромца» сдвинулись, лицо посерело, лоб сморщился. Ох, и грозен был богатырь.

– Напужал ежа голой жопой. Давно, видно, я тебя уму-разуму не учил. А ну слезай с коня!

Святослав смотрел на происходящее с интересом. Здоровенный мужик как грозовая туча надвигался на лошадь с юным всадником, при этом паренек, несмотря на то что сидел в седле, выглядел маленьким и беспомощным. «Видимо, знатность происхождения никоим образом не освобождает от ответственности. А уж что с простыми пацанами вроде меня сделают? Бррр...» У Романова даже спина зачесалась. Крысеныш же спрятался за спину белобрысого мужика, стриженного под горшок, с аккуратной бородкой.

– Не тронь боярыча, не тебе его наказывать, – просипел крысеныш.

– Не тьяккой, а то язык вырву. Разбаловали тут, пока меня не было.

Здоровяк целенаправленно двинулся к боярычу, при этом снимая толстый кожаный пояс. Мальчонка спрыгнул с коня и, понурился головой, смирился со своей судьбой. Если тятя сказал, накажу, значит, накажет. Святослав отошел в сторонку, чтоб не мешать и смотреть удобней было. Картинка вырисовывалась весьма комичная. Не будет вякать, сопля мелкая, сейчас получит. Святослав не удержался, чтобы не рассмеяться. Тихонько совсем, но его услышали. Здоровяк уже приготовился отхлестать наглого мальчика, развернулся в сторону чужака.

– Ты что, над боярычем смеешься, смерд?!

– Так смешно же. Извините, если кого обидел, не хотел, – бывший хоккеист сразу перестал смеяться и попятился назад.

А вот боярыч вырвался из рук «Ильи Муромца» да как подскочит к Святославу. Романов с трудом успел увернуться от мощного удара в челюсть. Не ожидал он такой прыти от мальчика, только благодаря хорошей реакции и ушел.

– Надо мной смеешься, пес! – рыкнул боярыч. Рыком боевого пса этот звук было назвать нельзя, но и писком мыши тоже. Скорее, боевой клич детеныша волкодава.

А вот следующий удар прилетел прямо в солнышко. Дыхание перехватило, и молодого парнишку согнуло в три погибели. Конечно, это был всего лишь удар ребенка, сильного, но ребенка, но зато как поставлен! Следующая серия сбила Святослава с ног, молодой человек упал на песок и скатился к реке. Мужики на лошадях заржали.

Романов с трудом приподнялся на локтях, поднял голову, и тут ему в лоб прилетел сапог. На мгновение Святослав потерял сознание. А потом его стошнило. Хорошо хоть ел он последний раз часов двенадцать назад, малина не в счет. Придя в себя, Святослав огляделся. На него никто не обращал внимания. «Илья Муромец» что-то объяснял белобрысому мальчонке, крысеныш что-то вякал из-за спины другого мужика, а сам Святослав валялся на песке у самой воды в собственной крови и блевотине. Герой, ничего не скажешь.

«Ну ты у меня сейчас получишь, сопля мелкая, и не таких ломал», – озлобился Романов. Он спокойно встал на колени, омыл водой лицо и, поднявшись, направился к бояричу. К боли он был привычен. Сколько раз ему ломали нос, выбивали зубы, а уж синяков и ссадин вообще не счесть. Вот и сейчас голова немного кружилась, глаз заплыл, но Святослав шел, чтобы дать сдачи. Парень развернулся к нему и засмеялся.

– Хорошо я тебя отделал, прям на пугало похож. Будешь в поле стоять, холоп, ворон отпугивать.

«Илья Муромец» положил свою могучую длань на плечо белобрысого парня и произнес:

– Негоже над слабыми и убогими издеваться, но проучил чужака славно. И впредь никому спуску не давай.

И тут Святослав ударил. Красиво так, ногой по почкам. Парень даже успел прикрыться, только как-то неправильно. Такое чувство, что ему длины руки не хватило. Двоечку в голову тоже пропустил, а вот удар коленом пришелся в пустоту. Парень поймал ногу, провел подсечку, и Святослав, показав птичку, рухнул наземь. Противник навалился на него сверху, ударил правой, потом левой, ну и головой добавил. Святослав обмяк.

Боярыч добавил наглецу еще немного и поднялся с земли. Нос и губа разбиты, под глазом синяк. Хороший у чужака удар, ничего не скажешь, сразу видно, опыт. Илья Никитич подошел к подопечному и обнял его.

– Горжусь тобой! Вижу, не все потеряно, не успела из тебя мамка тряпку сделать, пока нас с отцом дома не было. Ничего, выпестую из тебя богатыря.

Боярыч улыбнулся побитой мордой, скосив заплывший глаз на чужака.

– А его в холопы возьму. Мой боевой трофей, побил я его честно, и неважно, кем он раньше был, я его в бою взял. Правда ведь, дядька Илья?

Богатырь поморщился, развел руками, мол, что делать. Вольного холопить без суда не по Правде, но здесь же степь, самый край земли Русской, так что, стало быть, побил врага, все его твое. Тоже по Правде.

– Бери!

И тут Святослав начал подниматься, неуклюже, с трудом, но с нескрываемым намерением поквитаться. Боярыч подскочил к нему, намереваясь добавить, и сразу отлетел. Чужак песок в глаза кинул, а потом еще в ухо дал. Правда, удар получился слабым, на одной воле на ногах держался. Боярыч очухался, надал, и чужак снова упал. В этот раз чужака пинали долго и упорно. Да только не успел боярыч отойти от поверженного противника, как тот снова начал вставать.

– Бешеный, – вырвалось у крысеныша, – как пить дать, половец.

– Не мельтеши, – Илья Никитич схватил за шиворот тиуна и оттащил за спину, чтоб не мешался.

Боярыч уже хотел добавить чужаку, но богатырь остановил:

– Хватит, негоже тебе с холопами биться. Он проиграл, вяжите его.

– Дядька Илья, так он же добавки просит. Потом мне в горло вцепится, если я ему сейчас не покажу, кто сильнее. Ты ж сам мне говорил спуску не давать.

Двое мужиков спрыгнули с коней и сноровисто скрутили Святослава. Как кулек, даже рукой не пошевелить. Один из них перебросил его поперек седла, да так что Романов снова ударился животом о седло и потерял сознание.

– Вцепится, обязательно вцепится. Да только сейчас ты его приручить не сможешь, не умеет он сдаваться, жизнь еще не научила. Убьешь только зазря. Понимаешь, Данилка, ты людей в бой потом водить будешь, а ими ой как не просто управлять. Воин не холоп и даже не смерд, служить будет только тому, кого выше себя считает, кому верность свою пообещает. И дело тут не только в силе. Есть в дружине твоего отца воины и побойчей, чем он сам, но дух в нем таков, что остальные ему противиться не могут и с радостью за него в сечу идут. У чужака дух сильный, побори его, пусть сам захочет тебе служить. Ты будущий вождь, научись не только кулаками махать.

Глава вторая. Дурной сон

...За окном завывала страшная метель. Окна закопченной избы заткнуты ставнями со шкурами, холодно зимой. Каждая капля тепла на счету. Пол деревянный, из нарубленных чурок. В углу печь без дымохода, топится по-черному. По избе разносится храп, могучий мужик спит на широких полатях, рядом крепко сбита баба, за занавеской детишки, много, возьмется как котят, всех и не счесть.

Святослав стоит у стола, и ему страшно. Темно в теплой горнице, а на улице мороз и вой, как тогда. Но слышит его только он, остальные спят. Боязно выходить за дверь, но коли себя не пересиличишь, всю жизнь бояться будешь, и страх этот волю твою заберет. Святослав толкнул дверь, в сенях мелькнула тень, даже не тень, а сгусток тьмы, еще более черный, чем сама ночь. Парень остановился, помедлил секунду, сжал глаза посильней, а потом разжал. Стало светлее, привыкли глаза к черноте. Святослав перешагнул через порог и вошел в сени. Никого. Но вой! Страшный, дикий, похож на волчий, но не волчий. Теперь Романов знает, как воют волки, этот зверь был гораздо злее. В его вое читалась боль, которую может унять только боль другого человека. Убей, кричал он, убей. Я иду за тобой. Ты меня слышишь?.. Святослав помедлил секунду и вышел во двор. Ледяной ветер ударил прямо в лицо. Холодные колючие хлопья мигом забили уши, забарабанили в грудь, прикрытую одной нательной рубахой. Святослав босыми ногами прошел по снегу. Во дворе было светло, на небе повисла полная луна, блики которой играли зловещими огоньками на голубоватых сугробах. В хлеву беспокойно заблеяли овцы, где-то рядом залаял пес. Святослав снял факел со стены, запалил огнивом, лежащим в сенях, и двинулся к воротам. Вой дворового пса сорвался на дикий визг и затих. Мальчик остановился. Пес молчал. С улицы послышался всхлип. Романов прислушался, еще всхлип. Кто-то плачет, тихо, горестно. Девочка, точно. Святослав поднимает засов, и дверь распаивается настежь, выбитая порывом ветра. Святослав отскочил назад, выставил вперед факел, огонь рассеял тьму. Но на место плачу пришел смех, ехидный, злой. Так смеются гиены, когда загоняют дичь. Сердце упало куда-то вниз. Романов хотел бежать, укрыться под лавкой дядьки Никифора, но не мог, страх сковал. Ни рукой пошевелить, ни вздохнуть, только чувство, что что-то надвигается из тьмы и смеется. Святослав сжал факел посильней и, прикусив губу, пересиличил себя, шагнул вперед. И выкрикнул:

– Я не боюсь тебя! Покажись!

В ответ ему неслось лишь эхо, слившееся со свистом метели: не бою-ю-юсь! Покажи-и-ись! Но смех прошел. А плач вернулся вновь. Святослав пошел на звук. Улица маленькая, неширокая. Вышел к речке. Вдоль реки шла дорога, а у реки, где был мост, сидела девочка. Вся в белом, маленькая хрупкая, в нательной рубахе, как и сам Святослав. Он помедлил. Девочки в ночи в метель у реки не плачут. Не девочка она, но кто? Он двинулся вперед, намереваясь заглянуть неведомому врагу в лицо. Девочка так и сидела у реки и горько плакала. Святослав остановился в нескольких шагах от нее. Темно, но фигура малышки знакома. Алёнка! Святослав отбросил факел и кинулся к ней, развернул девочку к себе. Точно Алёнка, все лицо заплакано. А глаза голубые-голубые, как ледовый океан. И холодные, мертвые глаза.

– Алёнка, ты чего тут? Чего плачешь?

Алёнка печально улыбнулась. Прижалась к узкой груди мальчика, как будто желая укрыться от метели и от всего этого несправедливого мира.

– Беги, Святославушка, беги. Они идут за тобой.

И тут Алёнка оттолкнула его, и вместо маленькой девочки на него уставилась смуглая бородатая морда, перечеркнутая шрамами. Черные глаза впились двумя горящими угольками.

– Вы все умрете, русы! Мы привяжем вас к седлам наших коней и будем волочить по грязному снегу, втопчем в мерзлую землю, а трупы ваши будут неприбранно лежать повсюду на съедение диким псам. Потому что некому будет хоронить вас!

Святослав оттолкнул чужака и побежал назад к деревне. За спиной слышался топот копыт, дикое половецкое улюлюканье и смех.

– Беги, беги, рус. Скоро некуда будет бежать.

Стрела просвистела над головой и воткнулась в снег. Святослав оглянулся и увидел, как степняк схватил Алёнку и закинул поперек седла. А он бежал, бежал от страшного врага, в ужасе, не разбирая дороги. Когда он добрался до леса, по пояс утопая в снегу, над деревней и детинцем уже поднимались клубы черного едкого дыма. На Русь пришла беда. Степняк!..

Глава третья. Пробуждение

Ох уж это сотрясение мозга. Разлепил правый глаз, приподнял левый и снова закрыл. Совсем заплыл. «Ох, и отдубасили меня», – подумал Святослав. А потом в голове всплыл сон. Степняки и девчонка, дочка кузнеца, точно. А мать у нее лекарка. И он, Святослав, в этом сне был у них в избе, кажется, жил там. И воспоминания снова пробудили страх, тот, что гнал его в лес, подальше от людей, что приютили его, подальше от страшного врага. И тут он вздрогнул, в лучах света над ним стоял ангел, даже нимб был, как полагается. Ангел нагнулся пониже, приложил мокрую тряпку ко лбу Святослава. Нет не ангел, оказалось всего лишь иллюзия. Славяне бы сказали, Хорс играет с путником, а какой-нибудь священник, – что черт дурит. Над ним стояла маленькая девочка, но такая... Кудри золотистые, сплетенные вокруг в толстые косы, как-то по-особому. Лицо правильное – и такое придумать нельзя, и на картине его не передашь. Свет в нем, внутренний. Как солнышко ясное. Глазки у девочки голубые-голубые, веселые, озорные и в то же время думой какой-то озабоченные. Ни с кем их не перепутать. Аленка! Точно она, но веселая, живая, не как во сне. Носик-курносик сморщился слегка, девочка отбросила прядь с лица и села рядом со Святославом.

– Ну, дурной. И как же можно себя до такого состояния довести. Ты бы на морду свою посмотрел. Вот красавец...

Девочка удивленно развела руками. Мол, не понимаю я этих идиотов. Святослав приподнялся на скамье. Ох, в голове как будто колокол ударил. Естественный порыв тошноты скрутил парня мощной судорогой. Аленка не отвернулась, обтерла губы Святослава тряпкой и подложила ему под голову какую-то мешковину.

– Лежи, дурной, чего дергаешься. Скоро мамка к тебе придет, вот она тебя полечит. Так полечит, что никогда больше драться не захочешь. От нее даже мертвые с полатей встают и в поле жать убегают.

Аленка весело рассмеялась, довольная шуткой. Святослав откинулся на лавку и устался в потолочную балку. Крыша местами прогнила, через щели в дранке пробивались яркие лучи солнца. Похоже, еще день, значит, не далеко увезли, и провалялся совсем немного. Бежать нужно, скорее бежать, пока ошейник на горло не надели, пока не увяз в этом болоте. Святослав попытался подняться с постели, но результатом было только падение с лавки. Да, далеко так не убежишь, больно. Девочка подскочила к парню. Силенок у нее было маловато, но она старалась. Справилась. Быстро воздвигла его на полати, заботливо уложила голову, стерла пот с лица немного шершавой ладошкой. Села рядом и грудь ручкой придавила, чтобы больше вставать не пытался, держит.

– Ты чего? – уже испуганно спросила девочка. – Убьешься же, вон какой слабый. Головой ударишься и все, к чурам.

Святослав попытался подняться, да только куда там. Девчонка устроилась на его груди двумя ладошками и в глаза смотрит, как кошка на мышонка, вытянулась. Раньше бы он ее вмиг, как пушинку, под потолок подбросил, а теперь даже не пошевелиться. В нынешнем положении он ее года на два, на три старше, так что и сейчас повыше, покрепче, но после драки сил совсем не осталось.

– Мне домой надо, не здешний я. Если здесь останусь, рабом стану. А я не раб!

Девочка хлопнула ресничками, убрала руки с груди.

– Дома ждет кто?

– Нет, – не стал врать Святослав, – один я.

Малышка печально вздохнула и погладила мальчика по голове.

– Бедный, сиротинушка круглая. Так, получается, нет у тебя больше дома. Что же ты там, один-то делать будешь? Сгинешь без роду, без племени.

Святослав нахохлился как снегирь. Ну, не любил он эти телячьи нежности. Да и вообще, много она знает... Сгинешь, видите ли. Да у него дом такой, что вся деревня с комфортом жить может, и счет в банке. А она – сгинешь.

– Нужно мне, понимаешь. Домой хочу.

– Понимаю. У меня тоже раньше дом был... Ой, что-то я глупости всякие говорю. А дом-то твой где? Далеко?

Оговорила о чем-то. Видимо, было что-то такое, о чем говорить нельзя, а излить хочется. С домом, с семьей связано.

– Недалеко. Речка тут рядом. Меня там схватили.

Девочка отрицательно покачала головой. Длинная коса ударила в грудь, а выбившаяся золотистая прядь попала в сияющий глазик. Ох, и как она так ходит.

– Нет там ничего. И дома там твоего нет. Степь кругом. Видимо, головой ударился, вот и память отшибло.

Святослав разозлился. Понятное дело, что нет там его дома. Он это и сам знает, но если попал он в этот мир там, то и вернуться должен там же. Хотя верится в это с трудом. Не было там ничего. Обычное поле, немного деревьев, никаких тебе древних развалин, никаких святилищ аномалий. А что если ему теперь назад вообще не вернуться? У Святослава даже холодок по коже пробежал. Девочка видно почувствовала, что парню страшно, придвинулась ближе и обняла его.

– Не переживай. У нас боярин не злой, я тоже холопка... И что? Жить и так можно. По-всякому лучше, чем одному. Одному – смерть.

Святослав хотел разозлиться, оттолкнуть малышку, но не смог. Она к нему со всей душой. К чужаку! А он на нее зубы скалить хочет.

– А ты-то за что?

– Отец денег задолжал боярину, вот и порядились. Но мы через пять зим снова свободными будем. Да и не страшно это. Как жили, так и живем, только голодно немного стало. Отец большую часть заработка в счет долга отдает.

Святослав тяжело вздохнул. Голодать ему в жизни никогда не приходилось. И стало ему ясно, что бежать в поле смысла нет. Не попасть ему так домой, но и здесь оставаться рабом тоже нельзя. Забьют его тут. Не такой у него характер и воспитан он не так, чтобы пресмыкаться и спину на господина гнуть. То, как здесь людей к уважению приучают, он уже хорошо разобрал. Сапогом в морду – и вся наука. Это раньше он был богат и уважаем. Да и силушки было хоть отбавляй, а теперь малец, да еще и чужой. Заступить некому, для любого местного – всего лишь добыча. Средневековье, блин!

Дверь сарая распахнулась, и помещение затопило ярким солнечным светом, но ненадолго. В дверях застыл высокий, широкоплечий мужчина, крепкий, мускулистый, лицо как из камня. Глыба, а не человек. Здоровяк наклонился, чтобы не удариться лбом о косяк, зашел в сарай. Аленка сразу отскочила от Святослава, села смиренно, головку понурилась, ручки на платишке сложила. Ну, прямо первоклассница. А вот глазки так и искрятся. Весело ей! Одет мужик просто, рубаха грязная, потом пропиталась, местами в саже. Руки по локоть в шрамах от ожогов, волос горелый. Глаз острый, внимательный. О профессии этого доброго мужа догадаться не сложно – кузнец. Только такой человек и может работать в раскаленной кузне с утра до ночи. Это у вольных кузнецов есть помощники, молотобойцы, огневики, что за горном следят и меха раздуют, а он все сам. Что с молоточком ювелирным, что с молотом неподъемным, вот и думай, как такой мужик мог стать холопом? Силен и умен. Ну, не может кузнец быть тупым. По местным меркам, это одна из самых уважаемых профессий. Нанотехнологии средневековья. А стал! Вывод: сила и ум сами по себе ничего не значат, нужно в этом мире что-то еще. Может, удача? Или помощь богов или бога? Как у них с этим делом, тоже не понятно.

А нужно знать. Очень опасно обидеть религиозные чувства или появиться не в том месте и не в то время. Могут и на алтарь вознести.

Большой муж встал над Романовым. Смотрит внимательно, брови сдвинул. Одна расщелена, видно и на войне побывал. Похоже, не рад гостю. Ну, а чему тут радоваться? Святослав сон помнил – это отец Аленки, дядька Никифор. Муж премногоуважаемый, несмотря на то, что холоп. Раньше вообще один из самых первых в деревне был, но что-то случилось, а вот что, Святослав не помнил. Только теперь от его былой состоятельности остались одни рожки да ножки. Беден он как церковная мышь. А у него детишек полон дом. Нахлебников, ему и без Святослава хватает.

– Папка с мамкой живы? – сухо спросил кузнец.

Святослав воздвиг себя в вертикальное положение. Снова замутило, но устоял. Допрос начинается. Приступайте, товарищи гестаповцы. Буду молчать как партизан.

– Сгинули все, уже давно, – не соврал Романов.

Здоровяк помолчал, обдумывал что-то.

– Боярин сказал, что ты у меня жить будешь. Холоп ты его, в бою взятый, так что глазки-то опусти, не люблю, когда мне дерзят. Знай свое место, и тогда жить будешь спокойно. Все понял?

Святослав криво улыбнулся. Чего уж тут непонятного. Домострой и все такое. А мужику-то лет сорок пять всего. Он ведь меня всего на десятку старше. А теперь я ему в ножки должен кланяться и зад целовать, когда прикажут. Ну, уж нет, уважаемый. Я человек не гордый, мне и полцарства хватит.

– Понятно. Чего уж тут непонятного. Смирению меня уже поучили, до сих пор мутит.

Здоровяк сделал шаг вперед, видимо, намереваясь дать подзатыльника. Ну, дерзкая вышла речь, наглая. Но передумал, парень и так еле на ногах держится, а от такой могучей длани совсем того, за кромку уйти может.

– Умеешь что?

Святослав развел руками, мол, а ничего, только в хоккее играть.

– Ну, рисовать умею. И карандашами и красками. Но красками плохо.

Это у него, правда, получалось. Рисовал комиксы для души, хобби такое было. Особенно любил на тему тамплиеров и самураев.

Кузнец рассмеялся. От такого смеха даже солома с крыши посыпалась. Ею, видимо, дыры в дранке затыкали. Ох, и крепкий у мужика голосище. Ему бы в опере петь. Даже на задних рядах никто бы не уснул.

– А на что мне твоя мазня? Рисовать он, видите ли, умеет.

Святослав задумался. А и, правда, на что? И зачем сказал? Вон, теперь насмехается. Нужно было сказать, что я профессиональный хоккеист, играю в высшей лиге. Дайте мне коньки и клюшку, и я сделаю шоу. Да вот беда – это никому здесь не нужно.

– Ну, я могу для вас изделия чертить. Ну, детали там всякие сложные. Больше-то я все равно ничего не умею. Ну, не сорняки же меня дергать заставите.

– А что? Вдвоем мы быстрехонько управимся. Сорняки тоже надо полоть, а то что ты зимой есть будешь? Мать-и-мачеху, чай, в рот не положишь? Вон какой отъевшийся. Хорошо кормили, – наставительным тоном произнесла Аленка.

Святослав прикусил губу. Ну, и дернуло же его, сам напросился. Кузнец подумал, посопел немного и решил:

– Ну, то, что ты ничего не умеешь, это не беда. Парень ты крепкий, здоровый, толк будет. У нас и для такого неумехи работы хоть отбавляй. Вон и нужники не чищены, и в скотнике давно не прибрано. Ну, а если время будет, может и порисуешь, покажешь, что ты умеешь, летописец.

Святослав сразу сник. А как же конвенция о правах ребенка? Суды там, инспекции всякие?

– Ох... – тяжело вздохнул Святослав, – не летописец. Я художник, раз уж на то пошло, – буркнул он.

– А мне хоть писец, хоть этот, как ты его там назвал? Ху-до-ж-ник. Ох, и слово-то какое чудное, заморское. Придумают же. Ты, говорят, ромей?

Святослав грустно улыбнулся. Ну, ромей так ромей. Какая теперь разница? Он утвердительно качнул головой.

– А веры какой? В единого бога Иисуса Христа веруешь?

Тут Романов задумался. Нет, крест на груди в той жизни он носил. Даже в церковь иногда ходил и подношения делал, как полагается. Но верует ли он? И почему-то даже соврать язык не поворачивается. Эти-то видно все христиане.

– Православный я. Крест носил, только украли его у меня.

А что, ведь не соврал. Крещен по православному обряду, и крест пропал вместе с телом.

– Перекрестись! – строго пробасил кузнец.

Святослав бодро осенил себя крестным знаменем и отвесил поясной поклон.

– Чудно ты крестишься, тремя перстами, как папист, но не так, те слева направо крестное знамение кладут. Не так надобно...

Кузнец показал, как следует, по его мнению, правильно креститься. Святослав удивился, но повторил. Слаб он был в религиозных вопросах, чего уж тут скрывать. Слышал где-то, что раньше двумя пальцами себя на Руси осеняли.

– А что, если бы папистом или вообще не христианином был, не приютили бы? – немного желчно спросил Романов.

Кузнец пригладил бороду, а потом улыбнулся. Тепло так, по-доброму. Положил могучую руку Святославу на плечо и сказал:

– Ну, почему же, приютили. Что, мы изверги али басурмане какие, чтобы сироту из дому выставить. Ты, малец, не робей, но и не борзей. Каков ты человек, я понял. Человек мне этот пока не очень нравится, но толк из тебя выйти может. Хороший ты материал. Одарил тебя господь. А теперь ложись, отдыхай, и пусть эта свиристелка тебе не мешает. Сейчас Пелагея придет, отваров целебных принесет. Выздоровливай, а потом решим, к чему тебя приспособить. Трутней в доме не держим.

Кузнец подхватил на руки маленькую дочку и направился к выходу. А Аленка повернула свою прелестную головку к Святославу, взглянула так внимательно и подмигнула. И Романов сразу понял, что все будет хорошо. Ну, не могут такие люди быть плохими, не может у такой девочки отец быть злодеем. Так что, пока не придумал, как вернуться домой, придется жить здесь. И попытаться получать от жизни удовольствие. Нужно во всем видеть свои преимущества. Там ему было тридцать три, здесь от силы лет одиннадцать, двенадцать. Так что ему добавили еще двадцать халявных лет жизни. Правда, если раньше не убьют. Святослава снова замутило, и он сел на лавку. Тошнота напомнила о нехорошем. О бездомном, просившем о помощи, о жутком вое, степняках и том страхе, что гнал его в лес. А ведь я трус, решил Святослав, самый настоящий трус.

Глава четвертая. Быт фермера

Провалиться на полотах долго не получилось. Пелагея, крепкая русская баба, лет тридцати, два дня поила Романова целебными отварами. Делала очень болезненный, но полезный массаж, и на третий день Святослав почувствовал себя настолько сильным, что когда ему предложили прогуляться, он даже не стал делать вид, что слаб. Конечно же предложение подышать воздухом оказалось всего лишь уловкой. Люди в этой деревне никогда просто так воздухом не дышали, они вообще ничего просто так не делали. Поднимаясь с полатей, с первыми лучами солнца они шли выполнять свою работу, доводя ее до совершенства. Кузнец с утра до ночи стучал в кузне, пахари выходили в поле с плугом, косили траву, притом делали это не косилками или даже косами, а серпами. Бортник возвращался из леса раз в неделю. Бабы обихаживали многочисленную скотину, возились с детишками. Даже дети работали ничуть не меньше. Так же по огородам, по грибам, по ягодам. Тяжела их жизнь, работы много, но никто не жалуется. Потому что каждый понимает, что если он сделает свою работу хорошо, то зимой будет не так голодно, можно будет детишкам тулупчик прикупить, сладостей, женке – висюльку. Вот и стараются, заботятся друг о друге.

Святослава сначала попробовали привлечь к прополке огородов, но оказалось, что все, что растет на грядке, для Романова кажется сплошной травой, то есть сорняком. А с ними что нужно делать? Правильно, бороться нещадно, не покладая рук своих. В его же случае не разгибая спины. Аленка поругалась-поругалась, бросила в него парочкой репок, притом довольно увесистых, из тех, что он вылол вместе с сорняками, и отступила. Притом, когда пришла Пелагея проверить работу, даже заступилась, мол, это моя вина, не объяснила, что дергать надо, а что оставлять. Думала, он знает. Ну, все же знают! Пелагея повздыхала, покрутила головой, поохала. Мол, что натворил стервец. Но пороть или наказывать его не стала. Понимала, что с такими руками, как у мальчишки, не в огороде копаются. На большом и указательном пальце правой руки у него характерная мозоль, наработанная долгими годами тренировок. Конь степной и лук добрый – вот его пахота, а не в земле ковыряться.

Потом Святослава отправили в поле, траву косить. С этой работой он справился, ему и нагибаться почти не надо, но как это тяжело... Поясница за целый день затекла так, что к вечеру он выпрямиться не мог. А уж руки как умахались. После возвращения с поля ему еще и воду пришлось таскать из колодца. Даже на тренировках он никогда так не уставал. Придя в свой сарай, где его пока разместили, он без чувств упал на лавку и сразу уснул. Снов не снилось, но было хорошо.

Следующий день начался с радостных воплей Аленки и победоносных кличей младших сыновей кузнеца. Девчонка, не щадя слух Святослава, вломила в его хоромы и скача на палке как на коне, при этом размахивая веткой, галопом пронеслась по сараю, попутно огрев заспанного парня по голове. Ну и проказница. Святослав, конечно, догнал ее, даже смог подхватить на руки и немного помять, от чего та пришла в восторг. Заливалась как соловей. А потом отпустил с богом, не забыв шлепнуть ее по маленькой попке. Девчонка качнула подолом платышка и, весело смеясь, убежала догонять младшеньких: Славку и Гошку.

Какой же замечательный ребенок! Нет, вы не подумайте. Ничего, связанного с сексом, в голове Святослава не было. Он смотрел на нее исключительно как тридцатилетний мужик на ребенка, который не вызывает ничего кроме умиления.

Потом его позвали на завтрак. Расселись чинно, правда, усадили Святослава на женскую половину, маленький еще. Там же сидели младшие Славка и Гошка, три девчонки, совсем крохи, и Аленка с матерью. Старший, Ждан, сидел за мужским столом с отцом. На Святослава смотрел как-то свысока. Ну и пусть смотрит. Вот выяснять отношения и снова получать по

роже Романову ну никак не улыбалось. Хватит, навьяснялся. До сих пор глаз черный. Во время еды никто не разговаривал, не принято. Только дядька Никифор и Ждан обмолвились пару раз.

Вроде:

– Железо справное получилось.

– Да, хороша руда.

– И меч добрым получится.

– Обязательно получится.

На столе стояла каша, названия которой Святослав не знал, на гречневую похожа. Капуста квашеная, немного хлеба ржаного и репа пареная. Все это запили квасом. Вот и весь завтрак. Желудок хоккеиста к такой пище не привык, а уж о вкусовых качествах и говорить нечего. Нет, Пелагея старалась, и готовила она отменно, но проблема была в том, что все, что входило в их рацион, Святослав на дух не переносил. Романов морщился, давился, но ел. Работать ему до захода солнца, а на голодный желудок много не наработаешь.

Потом к Святославу подошел Ждан. Весь надутый такой, выше Романова на целую голову. Крепкий парнишка, в отца мастью пошел. Предложил выйти, потолковать. Святослав уже приготовился к худшему. Вышли во двор, Ждан запрыгнул на телегу, руки в пояс сунул, смотрит серьезно, наставительно.

– Ты – ромей, батя говорит?

Святослав помедлил. Может, сразу ему в нос дать, пока низко сидит и нападения не ждет. Все же знают: лучшая защита – это нападение. Ну, а зачем еще его мог позвать Ждан? Только в глаз дать для профилактики.

– Получается, что так. А тебе какое дело? – унижаться и просить не трогать себя Святослав не собирался.

Ждан пожал плечами.

– Да, в общем-то, никакого. У нас тут много кто живет, есть и клобуков семья, и половцев, нурман один, вот теперь и ромей будет. Мы ж в степи живем, а по степи много кто шляется, да только мало кто до дома добирается. Вот и ты не добрался.

Парень ткнул пальцем Святослава в грудь. Тот отшатнулся, крепкая рука у сына кузнеца.

– Я против тебя ничего не имею. Ты теперь холоп боярина, жить будешь с нами, работать будем вместе. Да только помни, что я за тобой присматриваю. Только попробуй пакость какую сотворить, я из тебя быстро всю дурь выблюю, и тот урок, что тебе приподал боярыч, покажется сладким медком. Понял меня?

И этот угрожает. И что они все такие недоверчивые. Ну, чужак, и что? Послать бы вас всех куда подальше и свалить.

– Понял я. Еще что-то сказать хочешь?

Святослав смахнул руку Ждана, упершуюся ему в грудь, и глянул исподлобья. Угрожающе так... Ждан не растерялся, усмехнулся, спрыгнул с телеги, но руки распускать не стал.

– Ну, понял так понял. Хорошо, что ты такой умный. Иди за мной, ромей.

Расист долбаный. Славянин, блин, нашелся. Оказывается, расовая теория зародилась далеко не в эпоху Возрождения, а гораздо раньше. Ох, что-то я себя совсем как подросток вести начал и думаю так же. Гормоны, что ли, зашкаливают?

– Это куда еще? Мне траву косить надо, твой батя сказал.

Ждан остановился. Крепкий, широкий для подростка. Стоит прямо, но не уверенно, качнулся в сторону Романова. Даже не так, тело вздрогнуло, намереваясь прийти в движение, и снова замерло. Видно, боролись две мысли: научить чужака не задавать лишних вопросов и осторожность. Святослава он не боялся, но опасался. Человек чужой, мало ли чем он раньше промышлял, может, разбойничал. Возьмет ночью и прирежет.

– Теперь тебе не отец будет говорить, что делать, а я, – и решил пояснить: – Отец – кузнец, работы много, не до тебя ему сейчас. А я в семье старший, так что тебе меня надобно слушать и уважать.

Святослава такой расклад явно не устраивал. Выполнять все прихоти сопливого подростка? Ну, уж нет! Дядька Никифор, ставший для хоккеиста защитой и опорой, может рассчитывать на некоторое смирение. На него можно и поработать. Но не на этого же! Так что врать или не врать, Романов даже не раздумывал.

– А тебе сколько лет?

Ждан подвоха в вопросе не ждал. Всем же ясно, что много.

– Тринадцать зим. Скоро жениться надо, – с гордостью произнес парень, выставив вперед грудь.

– Ну, а мне четырнадцать, – как бы между делом ответил Святослав. – И почему это я тебя должен слушаться? Отца твоего да, боярина – тоже, а ты для меня никто и звать тебя никак. Это ты мне подчиняться должен. Я старший.

От удивления Ждан даже попятился. Как это старший? Такой мелкий. Не может быть!

– Ты врешь! Не может быть, чтобы тебе четырнадцать. Ты меня на целую голову ниже, вон какой шупленький.

Святослав довольно расплылся в улыбке. Ага, в морду взбунтовавшемуся рабу сразу не дал, спорить пытается, обличает. Клиент созрел.

– Так я же ромей. Мы высокими и не вырастаем, все такие, да и исхудал быстро, по степи один бродил.

– Поклянись! Богом клянись, что тебе четырнадцать! – не унимался парень.

Для него солгать перед Богом просто немислимо. Удачи не будет, отвернется от тебя Господь. А вот для Святослава... Если очень надо, то можно. Он же не знал, что Господь за это от него и вправду отвернуться может.

– Клянусь. Я сын купца Константина Мономаха, – на ходу придумывал Святослав. – Мне тринадцать лет и семь месяцев, – для пущей правдоподобности добавил деталей.

Еще из истории он знал, что Мономах, русский князь, взял свое прозвище от далекой византийской родни, а учитывая, что больше он ничего о византийских родах не знал, пришлось взять это. Говорить такую глупость на каждом шагу он не собирался. Могут и прирезать. А вот на дремучего подростка это должно произвести впечатление. Если он вообще знает что-то о Мономашичах. А он знал! Рожа парня приобрела такой глупый вид, что его можно было выставлять на выставки по проблемам дебилизма среди молодежи. Типичный пример.

– Так ты что, Мономашич? Княжеского рода?

Ой, блин, куда тебя понесло... Так и без языка остаться можно. Лжедмитрии вон как закончили. Не думаю, что для меня сделают исключение. Срочно выкручиваться.

– Дальний родственник, по женской линии. Очень дальний. Но ты об этом молчи, секрет это. Если расскажешь кому, у тебя язык отсохнет, проклятье древнее.

Ждан от возмущения чуть не подавился.

– Да ты что, как можно?! Конечно, не скажу. Вот хоть убей. Мономашич...

Да, этот точно всем разболтает.

– Если кто узнает, всю деревню сожгут. Всем кишки выпустят.

Глаза парня округлились. Страшно. Это для Святослава «кишки выпустят» обычные слова, а для Ждана это страшная действительность. Прибьют кишки к столбу и заставят вкруг него хороводы водить. Ох, и страшная смертушка.

– Так, может, тебе бежать? Вдруг найдут?

Кто найдет, Ждан не знал, но явно ребята злые и до сечи лютые. А рядом хоть стоит детинец боярский, но вряд ли кто на защиту деревни двинется.

– Нет, нельзя. Некуда мне сейчас идти. Пока никто не знает, безопасно. Если ты не болтаешься, то все будет хорошо.

– Я могила, боярыч.

Приятно, но завираться не стоит. Лучше быть своим обычным парнем, чем чужим боярычем, которого разыскивает контрразведка.

– Не боярыч я. Просто Святослав, будем друзьями? – и протянул руку парню в знак знакомства. Тот, помедлив немного, не понимая, чего от него хотят, сообразил наконец, улыбнулся добродушно и пожал руку Романова.

– Будем, ромей. Не бойсь, никому про тебя не расскажу. Пойдешь на реку, рыбу ловить? Я сеть хорошую сплел, рыбы в реке много.

Во-о что слово животворящее делает. Уже не приказывает, а вежливо предлагает. А когда к нам с душой, так и мы с душой.

– А как же траву косить? Твой батя велел.

– Завтра накосим, я тебе помогу. Мы ж траву жрать не будем, а вот рыбка на столе кстати будет, – мечтательно проурчал Ждан.

– Ну, тогда пойдем. Я рыбку люблю, лишь бы не костлявая была.

Ждан хлопнул Святослава по плечу и рассмеялся.

– Костлявая, видите ли, ну точно боярыч. Привереда, ромей.

Парни дружно рассмеялись и вышли со двора.

Речка здесь была не широкая, метров пять всего. Называли ее Студенка, да не просто так. Вода в ней и правда была очень холодная. Даже странно, как так. Вроде юг Руси, тепло, а вода студеная. Наверное, ключей полно. Но отказать себе в купании Святослав не мог. Плавать он любил и делал это хорошо. Ждан в воду не полез, с берега смотрел. Святослав проплыл против течения метров двадцать, потом обратно. Плыл кролем, да так быстро, что даже ногу судорогой свело. Забыл разогреться. Перевернулся на спину и поплыл, разминая ногу. Ждан пялился, открыв рот. Так здесь только нурман плавал. Даже в дружине боярина не каждый так умел. Это раньше князья варяги в дальние походы на ладьях хаживали, а теперь тока меж собой грызутся. Разучились так плавать.

– Красиво плывешь. Как нурман. Я тоже так хочу, – Ждан понурил голову, понимая, что ромей ему ничем помочь не может.

Святослав выгреб на берег. Развалился на травке. Солнышко светит, пчелы жужжат, бабочки порхают. Хорошо. Вредный слепень болезненно ужалил в ногу.

– Ах ты, зараза! Весь кайф обломал, – и его «могучая» длань всей своей мощью обрушилась на насекомое. Слепень удрал, а вот ногу прижгло. – Ну, а в чем проблемы. Если хочешь, научу.

Лицо Ждана даже просветлело от восторга. А потом так же быстро посерело.

– Нет, спасибо, не надо. Не хочу быть в долгу у ромея.

Святослав встал. Так, что это тут такое? В долгу он быть не хочет. Видно, как был он для сына кузнеца чужаком, так и остался. Эти стереотипы нужно менять.

– Ты разве забыл, что мы теперь друзья? А друзья должны помогать друг другу. Прими это как мой дар. Откажешься, обидишь меня.

Ждан помялся, не зная, что ответить. И хочется и не хорошо как-то в долгу у чужака быть.

– Так мне отдариваться нечем.

Святослав припомнил, что сын кузнеца пастухом подрабатывал, за деревенским стадом приглядывая.

– А ты меня аркан бросать научишь и на коне ездить. В общинном стаде кроме коров лошади ведь есть?

Ждан улыбнулся. Так вроде хорошо получается. Отдариваться принято богаче, чем подарок. Все по обычаю.

– И лошади есть. Да не только тягловые, а и верховые, даже два десятка воинских. Боярин мне доверяет. Вместе со всеми пасутся.

– Так по рукам?

– Идет.

Ребята скрепили соглашение крепким рукопожатием и принялись устанавливать сеть. Кольшки заготавливать не понадобилось, у Ждана все было припасено загодя. Рыбу Святослав так ловил впервые, раньше все больше удочкой баловался. А тут баловаться не принято. Много ли на удочку наловишь. Сеть поставили вперетяг. Перекинули канат с сетью от одного берега на другой, привязали к кольшкам, а нижний край сети укрепили грузилами, чтобы течением не поднимало. Вроде кажется – ничего сложного, а пришлось повозиться. Когда сеть была установлена, Ждан раскидал по течению подкормку и, удовлетворенный работой, сел на бережок. Теперь оставалось только ждать. Просто сидеть на берегу и бить слепней занятие, конечно, благородное. Бездельничать здесь мало кто может себе позволить. Но Ждану поскорее хотелось научиться плавать, как морской лев, которого он никогда не видел, но в его представлении именно так тот и должен был плавать.

Обучение началось с того, что Святослав на берегу объяснил суть техники кроля, а заодно показал, как ее правильно выполнять. Его плавать учил тренер, он – как-то сестренку своей подружки. Ничего сложного.

– А суть техники такова: пловец располагается параллельно плоскости воды, голова по лоб должна быть погружена в воду.

– А как же дышать? – изумился Ждан.

– Да погоди ты. Не перебивай. Все объясню. Сначала нужно понять движения, а потом поймешь, как дышать. Отдельно рассмотрим движения ног, рук и туловища. Ноги – самое простое. Скорости практически не придают, а позволяют сохранять горизонтальное положение. Они выполняют непрерывные встречные движения с небольшой амплитудой. – Святослав для наглядности показал, как это делается.

Ждан почесал затылок.

– Мудрено ты как-то объясняешь. Вот показал – и все просто, а говоришь – ничего не понимаю. Амплитуда какая-то, параллельно?

– Ну, это как бы максимальное отклонение от положения равновесия. Вот твои ноги неподвижны, вот правая пошла вверх, а левая вниз. Отклонились они на одно и то же расстояние, но в разные стороны. Когда они были в одном положении, это и есть состояние равновесия, а когда отклонились и остановились в противоположных концах, – это амплитуда их отклонения. Если расстояние малое, то и амплитуда отклонения небольшая, – машинально объяснил Святослав.

Ждан совсем впал в уныние. Если ноги самое простое, то что тогда дальше будет?

– Ты прямо как старик говоришь. Ох, и мудр же ты, ромей. Скока всего знаешь. Вот тока мне это зачем? Что я с твоей амплитудой делать-то буду? Дураком меня выставить хотел?

Тяжелый случай. Вот и говорите после этого, что знания – свет. Дадут в глаз, и наступит тьма за бессмысленное просветительство.

– Извини. Не хотел тебя обидеть. Ты спросил, я ответил. Постараюсь говорить попроще. Прощаешь?

Ждан нахохлился, но благосклонно кивнул. Мол, продолжай, а там посмотрим.

– Цикл движений рук состоит из нескольких фаз: вход руки в воду, захват, основная часть гребка, выход руки из воды, пронос руки над водой. Движение вперед происходит за счет кисти и предплечья. Дыхание путем поворота головы и туловища в сторону гребущей руки в

начале проноса руки над водой. Глубокий вдох. Потом опускаешь голову в воду и выдох. В идеале делать вдох через каждые три гребка.

Святослав каждое слово подкреплял демонстрацией движений. Шумно вдыхал и еще более шумно выдыхал, имитируя кроль. Ждану многое было непонятно. Слова ромея проще не стали, но принцип стал ясен. Все же показывал тот здорово. Потом начали отрабатывать практику. Святослав поддерживал парня за живот, а тот старался плыть, как ему говорили. Провозились долго, но у сына кузнеца начало получаться. В тот момент, когда Ждан, нахлебавшись воды, начал тонуть, а Святослав принялся вытаскивать его из реки, на берегу показали трое парней.

– Эй, голуби ясные, что девок вам не хватает?

Толстый парень на берегу противно заржал, повизгивая и похрюкивая на каждом вздохе. Святослав от испуга отпустил Ждана. Ну как-то двусмысленно они смотрятся со стороны. Парень взмахнул пару раз руками и пошел на дно. Благо Романов вовремя опомнился, ухватил его за шиворот рубахи (исподнее не снимали) и вытянул на берег. Ждан воды нахлебался, но сознание не потерял, а то пришлось бы делать ему искусственное дыхание. Вот уж тогда до конца жизни голубками остались бы.

– Что, вытащил свою девицу ясноглазую? – ухмыляясь, спросил боярич Даниил.

Берег реки был высок. Святослав со Жданом сидели внизу, на отмели, а боярич со своими прихлебателями стоял наверху, на взгорке. У Романова даже глаз зачесался, когда он увидел белобрысого боярича. Как же хотелось ему всыпать, да только нет у него никаких шансов. Снова побьют, вот и все удовольствие.

– Завидуешь, что ли? Видимо, сам с дружками этим делом балуешься. Вот был бы сейчас здесь дядька Илья, дал бы тебе подзатыльника за осведомленность. Помнишь, как он тебе на реке всыпать хотел? Уж и ремень приготовил. Ну ничего, в следующий раз еще приголубит. Голубь ты ясный.

Святослав растянул рот в улыбке, злорадно так. Мол, и на моей улице будет праздник. Улыбка с лица боярича мигом испарилась, и прихвостни ржать перестали. Обидно, когда тебя мужеложцем называют, тем более твой холоп. Боярич сбежал по сыпучему берегу вниз, остановился напротив Святослава. Он еще ниже Романова, но жилистый, к труду привычный. Руки в кулаки сжаты, трясутся. Святослав подошел в упор, теперь сверху вниз смотрит, а бояричу голову тянуть приходится.

– Что, врезать мне хочешь? Бей, не стесняйся. Коли мозгов нет, кулаки помогут, – бросил Святослав, растянув губы в брезгливой улыбке.

Даниил не двигался, колебался. Очень хотелось наглого холопа проучить, да вот вспомнились слова дядьки Ильи. Вождь не кулаками должен махать, а головой думать, внутренней силой к повиновению склонять. А у него вот никак не получается.

– Наглый ты, холоп. Сколько ни бьешь тебя, а тебе все нейдет. Что с тобой делать, ума не приложу? Может, шкуру на конюшне приказать спустить? Хочешь? Я могу, ведь ты моя вещь.

Святослав пожал плечами и отвернулся. Плеть – это страшно. И выражение «кожу спустить» вполне буквальное. Но вот бояричу об этом знать не обязательно. «Когда ты слаб – будь сильным, когда ты силен – притворись слабым».

– Сам решай, ты боярин, а не я. Тебе и решать.

Даниил сжал кулаки, качнулся вперед, но сдержался. Глубокий вдох, выдох, как учил дядька Илья, и гнев ушел. Боярич отступил на пару шагов и замер. Нужно как-то приструнить холопа, но сделать это как вождь, а как не глупый отрок.

Парни, что пришли с Даниилом, были в растерянности. Что это такое? Никакого почтения от холопа, нельзя такое спускать. Проучить наглеца. Тот, что был повыше и понаглее, под-

нял с земли камень, прикрыл один глаз и бросил. Голова Святослава качнулась, как рожь на ветру. Даже боли не почувствовал. Очень для него это было неожиданно. Романов приложил руку к голове, кровь. Струйка тоненькая, медленная, густая. Раны на голове очень кровото-чащие. Сейчас всю макушку зальет. Святослав посмотрел осоловевшим взглядом на взгорок, смеется гад. Вот за что? Что я ему сделал? Святослав сделал неуверенный шаг, один, другой. А потом упал. Двое прихлебателей спустились вниз, не спеша, вразвалочку. Остановились напро-тив неподвижного Романова, скалятся. Данилка посмотрел на холопа, потом на своих друзей. Нет, он и сам был не прочь проучить чужака, но так...

– Ребят, пойдём отсюда. Хватит с него, – как-то неуверенно промямлил боярыч.

Парень, что бросил камень, удивленно развел руки.

– Да ты чего? Он же тебя в грош не ставит. Какой ты боярин, если холопа присмирить не можешь. Он тебя тут дурными словами поносил, а ты и в ус не дуешь. Не узнаю тебя, Данилка.

Боярыч сразу же надулся, как лягуха. Ничего он не спускал, так присмирит, что мало не покажется.

– А давайте нассым на него! – предложил второй спутник боярыча, толстенький коро-тышка.

Ждан уже пришел в себя, выплевал всю воду, отдышался, смотрел за происходящим со стороны. Не его дело, коли кто схватился, пусть сами и разбираются, – батя всегда так говорил. Но когда парни начали развязывать гашники, Ждан вмешался. Ну, нельзя же так! Не по-людски это.

– Э-э, вы чего? – выскочил вперед Ждан – Вы что, нелюди какие?

Высокий, что бросил камень, стоял ближе всех к Ждану, схватил его за грудки, притянул к себе.

– Ты что, холоп, тоже в рожу захотел?

Тут Ждан не стерпел. Родился он вольным, в семье кузнеца, привык к уважению. Силуш-кой Господь его не обделил. Дал в ухо подлецу, да так, что тот, упав, в песок по уши въе-хал. Толстяк подскочил к парню и тут же бабочкой полетел в воду. Нос Ждан ему точно сло-мал. Хороший, молодецкий удар у сына кузнеца. Данилке с кузнецом драться не хотелось и не потому, что он боялся, просто испытывал к парню уважение. А уж что будет с ним, если он ударит господина... Но и спускать это так нельзя. Парни потом засмеют.

– Ты, холоп, помни: ударишь меня, тебя выпорют да еще виру назначат. Сможет твой отец деньги сыскать? Ох, не верится мне в это. Так и останетесь холопами из-за тебя.

Не станет сын кузнеца драться. Холопа метелить – дело нехитрое, но скучное. Ждан печально вздохнул. Будет бить. Ну и пусть. Зато совесть чиста.

Даниил ударил с правой, лениво так, для галочки. Сын кузнеца даже не качнулся. Брови сдвинул, сплюнул кровью и все. Боярыч снова ударил и еще, и еще. Все по морде. Никакого толку, только руку зашиб. Тут уж он рассвирепел, всыпал по полной, а Ждан даже не сопро-тивлялся. Закончив, боярыч сел на песок без сил. Силен кузнец, ничего не скажешь. Толстый выбрался из воды, выплюнул водоросли, ну вылитый водяной. Глаза злые, копытом бьет. Длин-ный тоже поднялся, кровью отплевывается. Пнул чужака в живот, тот вздрогнул, простонал. Живой...

– Хватит! – рявкнул боярыч.

– Чего хватит? – проскулил толстый. – Он мне нос сломал, сука!

Даниил от слов друга так и рассвирепел. Вдвоем кузнеца побить не могут, а чего-то тут вякают. Хороши гридни будут, ничего не скажешь.

– Ты его побил? Ты его с ног свалил? Отвечай немедленно!

Боярыч вскочил с песка, надвинулся на своего приятеля, пугающе так. Толстяк был его шире, тяжелее, но испугался, попятился.

– Не я... – промямлил он.

– Так заткнись и радуйся, что я не дал вам мозги на место вправить. Всем все ясно?

Даниил развернулся и бросил яростный взгляд на длинного. Тот сразу сник, весь его кураж провалился куда-то в район живота. Нет, что ни говори, а порода чувствуется. Мал еще боярыч, но вот так вот глянет – и все, желание перечить сразу же пропадает. Даниил развернулся и направился вдоль берега в сторону детинца. Устал, отобедать пора. Его свита увязалась следом. А то бы точно добились, эти могут...

Святослав раскрыл глаза. Веки тяжелые, как будто песком засыпали. Картина, что и раньше: сарай, Аленка с влажной тряпочкой, только еще Ждан в сторонке. У парня ухо распухло, на оба глаза фингал и здоровенный синяк на подбородке. На себя Романов смотреть не желал, наверняка ничем не лучше сына кузнеца, красавцы. Что же за мир такой? Куда ни сунься – везде по морде. Аленка смотрела жалостливо, глазки ласковые, светятся по-доброму. Даже не бурчит совсем, не ругает. Увидела, что Святослав открыл глаза, погладила, приложила руку ко лбу, потом пульс на запястье смерила. Кивнула удовлетворенно. Видимо, все хорошо.

– Невезучий ты, парень. И самому досталось, и Ждан из-за тебя получил. А ведь он с боярычем всегда в мире был. Опасно рядом с тобой находиться. Бедовый ты.

Глаза Святослава вспыхнули от злости и сразу потухли. Нет сил, чтобы злиться.

– Так чего же ты тут сидишь, раз опасно? Я и без тебя обойдусь, – желчно ответил он.

Романов попытался встать. Ах, опять тошнит. Видимо, сотрясение. От прошлого раза отойти еще не успел, а тут опять по голове.

– Лежи уж. Куда собрался?

– От тебя подальше, – буркнул Святослав.

– Гордый... – Аленка печально улыбнулась, глубоко вздохнув. – Тяжко гордому быть холопом. Черта эта княжья, простым людям совсем не нужная. Забудь, кем ты был, а то сгинешь. Господь сказал «смирись».

Волна жуткого гнева и страха, смешавшаяся во взрывной коктейль безысходности, вырвалась наружу. Как же это ужасно желать то, что никогда не будет твоим, и чтобы ты ни делал, навсегда останешься в этом болоте. «А ведь мне немного нужно. Всего лишь свобода! Домой хочу!»

– А я не хочу мириться! Не хочу, чтобы меня унижали! Чтобы меня били за то, что я не так посмотрел, не так сказал! Не хочу жить как собака! Лучше смерть, чем такая жизнь! – увлеченный порывом, Святослав вскочил с лавки, забыв о боли и головокружении.

Вот оно! Вот она цель, вот к чему нужно стремиться. Научиться себя защищать, стать сильнее всех, чтобы каждый десять раз подумал, прежде чем поднять на меня руку. Ну, вы у меня, гады, попляшете...

Лицо Святослава просветлело. Пока есть надежда, человек будет идти вперед. Аленка ойкнула и попятилась к стенке, прикрыв лицо руками. Даже Ждан, все это время наблюдавший за чужаком со стороны, попятился к двери. Страшное у Романова лицо, ох какое страшное. Не было в нем ни злости, ни ужаса. Только холодный разум и непреклонная решимость. Странно увидеть такое в ребенке. Жутко как-то.

– Ты это бро-ось! С ума сошел, что ли? Мало тебя по голове били? Еще хочешь? – Ждан выскочил за дверь, не дожидаясь ответа. Только со двора уже донеслось: – Меня ты не втянешь!

Аленка вскочила с лавки, медленно так, робко, подошла к Святославу. Ткнула его пальчиком в грудь, вроде ты ли это? Встала на носочки. Высоковато для нее. Приложила ладошку к щеке Романова. Чуть не отдернула, сдержалась. Горячая щека, даже обжигает.

– Успокойся, Святославушка. Все хорошо, – мягко так, не как ребенок, а как женщина, произнесла Аленка. – Все наладится, потерпи немного. Глупостей только натворишь. Если холоп хозяина ударит, его и живота лишить могут.

Святослав улыбнулся одними губами, вымученно, искусственно. Мол, а я-то что? Я – ничего. Но Аленка почувствовала, снова запричитала.

– Не вздумай мстить. Мечь – дело злое, не поступай, как язычник. Господь велел прощать, кто мы такие, чтобы ему противиться.

Святослав заключил ладошку Аленки в свои ладони, сжал крепко. И почувствовал, что сила от нее к нему идет и прохладой по телу разливается. Хорошо-то как...

– А я, Аленушка, спокоен и уж сгоряча мстить точно никому не буду. Господь он Бог, а мы люди маленькие, смертные. Нам обиды спускать невместно.

Девочка выдернула руку, отстранилась. Заглянула Святославу в глаза, посмотрела внимательно.

– Нет в тебе настоящей веры, Святослав. Вообще никакой. Ни в богов славянских не веришь, ни в единого Бога Иисуса Христа. Неправильно это. Трудно без Бога в сердце жить. Не уйди во мрак.

– А ты меня за руку держи, ты светлая, с тобой не уйду.

Святослав улыбнулся, придвинулся к девочке, протянул руку. Аленка шмыгнула носиком, надула губки, злится. Сама не знает почему, но злится.

– Что ты меня дразнишь? Что я тебе, маленькая, что ли?

Ох, знала бы ты, сколько мне лет на самом деле.

– Хорошо мне с тобой. Добрая ты, никогда таких девчонок не встречал. Возьми мою руку. Я тебя буду держать, а ты меня.

И Аленка взяла. Двумя ладошками обхватила, просветлела. Не даст ему сгинуть. Не важно, что телом мала, зато дух сильный.

Глава пятая. Повороты судьбы

Тот, кто считает, что жизнь в деревне скучна, жестоко ошибается. Скучать Святославу не приходилось. День отлежался и снова на работу. От зари до зари. Травы заготовить, за скотиной прибраться, воды нанести, печь истопить. Потом еще сельхозинвентарь починить. Руки у Романова, конечно, не из пятой точки росли, но чтобы грабли сладить, он полдня убил. Аленке помогал травы собирать. И как ее раньше одну отпускали? Рядом степь, а там ясное дело, что ничего хорошего. Налетят половцы, и нет девчонки. Хотя, если признаться честно, то от Святослава в этом случае пользы ноль. Даже от зверей оборонить не может, что уж тут говорить о чужих воях. Зато была польза для него самого. Аленка о травах рассказывала, какая для чего нужна, как ее приготовить. Память у Романова была замечательная, так что он запоминал и все на ус наматывал. Точнее не на ус, а на то, что имелось в наличии. Заодно с девчонкой он сблизился, так, как ни с кем раньше. Ну не встречал он в той жизни таких людей. Лучше друга не найти!

Ждан, после того разговора в сарае, обходил его стороной. Ну и пусть! Святославу было все равно. Он приступил к воплощению своего плана. Неподъемна для него была рабская доля, не привык он так жить. Его самосознание спортсмена высочайшего класса резко разошлось с возможностями тела мальчишки, в которое он попал.

К достижению цели он подошел с присущей ему основательностью и упорством. Человек без данных качеств никогда бы не достиг тех высот, что он добился в прежней жизни. Мало кто мог представить, чего он был лишен, чтобы попасть в высшую лигу.

Для начала необходимо было резко поднять физическую подготовку. И он отлично знал, как это сделать, ведь за его формой следили лучшие тренеры, которых можно было нанять за деньги. В сарае он оборудовал турник и брусья из трех жердей. На балку перекинул канат, что нашел в сенах. На первое время этого будет вполне достаточно. Может, не всем известно, но на турнике и брусьях можно собственным весом загрузить почти все группы мышц. Что Святославу, собственно, и было нужно. Злоупотреблять же большими весами в таком раннем возрасте значит остановить развитие и рост организма.

Поднимался он еще до первых петухов, а спать ложился уже за полночь, большую часть времени проводя на общественно полезных работах. Холопу скучать не приходилось, но раннее утро и вечер он обязательно отводил своей физической подготовке. Занятия начинал с растяжки, потом отжимания и приседания, выпрыгивания из глубокого приседа, потом пресс, подтягивания и лазание по канату, отжимания и скручивания на брусьях. Оказалось, что подтянуться он может всего пять раз, а с каната вообще свалился, добавив к многочисленным ушибам еще один синяк. Ну, ничего, прорвемся. Главное старание и систематичность, а уж тело не подведет.

Кроме того, в его подготовку вошел бег. Как оказалось, ноги у него были развиты не в пример лучше рук. Видимо, его предшественник немало упражнялся в этом деле. Так что, чтобы усложнить задачу, Святослав стал бегать не налегке, а с мешком, наполненным камнями. Еще то удовольствие. Аленка, наблюдавшая за Святославом, только хихикала, мол, вот дурной, лучше бы дело какое полезное сделал, а он праздно камни таскает. Ну не укладывалось в голове маленькой знахарки такое глупое действие! Еще Святослав повесил в своем сарае грушу, сделанную из старых мешков, наполнив их песком и мелкими камнями. Удар у него был и так поставлен правильно, три года в секции не прошли даром, но телу требуются постоянные тренировки, да и память освежить не помешает.

Для силовых упражнений притащил камни разного размера, используя их в качестве гантелей и весов. Из палки и камней соорудил штангу. Первобытно как-то, но лучшего под рукой не нашлось. Для начала и так сойдет, а там посмотрим.

К программе подготовки требовалось и соответствующее питание. Того, что давали на завтрак и ужин, было мало. А обеда вообще не было. Потому пришлось добывать себе пропитание самому: грибы, ягоды, коренья, ловить рыбу. Раз даже утку камнем подбил. С тех пор стал ходить на озеро, селезней бить. Они слышат похуже, чем уточки, а потому подобраться к ним легче. Еще он наострился доить лошадей. За кражу коровьего молока можно нехило огрести, а вот лошадей славяне не доили. Не нравилось им их молоко. А вот у Святослава это было в крови. Приснилось ночью, как кобылку стоящую доит. Ох, и сладкое было молочко, густое. Так и повадился. Деревенское стадо пас Ждан с дядькой Нефедом. Пожилой выпивоха постоянно спал, а сын кузнеца на своего названного друга внимания не обращал. Так что и с питанием вскорости проблем не стало.

Боярыча с его прихвостнями Романов больше не встречал, но и без них проблем хватало. Местные ребята считали его чужаком, а потому не упускали ни единого шанса, чтобы его как-нибудь поддеть: то обзовут как, то толкнут плечом, иногда и дерьмом бросались, со всякой тухлятиной. Святослав терпел, а время от времени и убегать приходилось. Да только что тут можно поделывать? Даже если бы он год прозанимался по своей программе подготовки, десяток парней ему все равно не одолеть. К тому же многие были его намного старше, а значит, крупнее и сильнее по определению. Однажды Аленке даже пришлось отбивать Святослава от стаи озверевших подростков. Его загнали к изгороди у колодца. Человек семь. Романов уже приготовился снова быть битым, но тут появилась девчонка с коромыслом. Видел кто-нибудь коромысло? Страшное оружие, особенно если уметь им пользоваться. А Аленка умела. Парни с позором бежали, оставив раненых на произвол судьбы. Настоящее ледовое побоище, только без льда и Александра Невского. Все бы хорошо, Святослав даже поблагодарил девчонку, но на душе было гадко. А она еще подтрунивала. Мол, вон каков богатырь, одним сопением всех разогнал. Чувствовал хоккеист себя жалким трусом и последним слабаком. Даже девчонка может за себя постоять, а он умеет только по морде получать. Здесь, конечно, нужно сделать оговорку. Аленка особо никого не жалела, била коромыслом куда ни попадя, странно, что насмерть никого не забила. А вот Святославу российские законы с детства привили страх по-настоящему себя защищать. У нас ведь как: напали на тебя трое и бьют тебя смертным боем, так по закону, коли ты кому голову камнем проломишь, то сразу в тюрьму. И хрен ты кому докажешь, что это самооборона. Здесь же все намного проще. Коли убил кого защищаясь, платишь виру князю за суд, и все дела. А коли без правды убил, так еще отступное родичам, сколько князь назначит. Так что бить или не бить, здесь никто не задумывается.

Через пару месяцев программа подготовки стала давать первые плоды. С каната он больше не падал, подтягивался восемь раз и отжимался прилично, а время, за которое он пробегал вокруг деревни, сократилось как минимум минуты на полторы, точнее не скажешь, часов нет. И одышка почти пропала.

А еще, когда Святослав ходил к детинцу за камнями у мостка через Студенку, он увидел чудо. Крепкий красивый мужик в белой рубахе, расположившись на взгорке, бил из лука по бревну, на котором было закреплено кольцо, размером с кулак. Если кто-то думает, что перевелись богатыри на земле русской, то он жестоко ошибается. С расстояния в три с половиной сотни шагов мужик попадал в мишень размером с кулак. Все стрелы летели точно в кольцо. А бил он так быстро, что Святослав даже моргать не успевал. Такой стрелок мог весь колчан выпустить за минуту и при этом еще и попадать. «Ох, мне бы так, тогда ни один из этих перекачанных гормонами подростков даже тявкнуть в мою сторону не посмеет. Ну а если посмеет... Так это его проблемы».

Романов боязливо подошел к мужику. Мало ли что у того в голове. И дураку ясно, что воин. Мужик на подростка даже не взглянул, продолжал метать стрелы. В конце концов, пучок опустел, и мужчина развернулся к парню. Лицо у него было красивое, светлое, этакое сол-

нышко. Бросилось в глаза наличие колечка в ухе, пижон. Мужчина посмотрел на парня внимательно, потом улыбнулся, опустил лук и поманил его к себе. Романов подошел.

– Нравится?

Мужчина указал рукой на бревно, утыканное стрелами.

– Конечно. Никогда такого не видел. А как у вас так получается?

Мужчина рассмеялся, даже слезу выдавил, обтер обратной стороной ладони и уже серьезно посмотрел на парня.

– Как тебя зовут?

– Святослав.

– Хм... Сильное имя, княжеское. Кто твой отец?

Можно было, конечно, соврать, как и прежде, но врать не хотелось.

– Я не местный...

Мужчина улыбнулся, но глянул так, что Романов замолк.

– Это я и так вижу. Только не пойму, чей ты. Кто же твой отец?

Святослав насторожился. Не просто так спрашивает воин. Такие люди ради праздного любопытства ничего не делают.

– Его звали Игорь. Он был воеводой у моего царя. Погиб на войне.

И не соврал. Отец и правда был полковником сначала Советской, потом Российской армии и погиб в Чечне, а мать вышла за американца. Вот такой расклад.

Мужчина покачал головой, попробовал на вкус слова парня.

– Не врешь... Скорблю о твоей утрате. Коли так все, как ты сказал, то ты меня поймешь. Далеко тот столб стоит?

Святослав посмотрел на мишень, утыканную стрелами. Зрение у него здесь было намного лучше, чем в прежней жизни. Можно сказать, орлиный глаз. Но даже для него на такой дистанции колечко казалось маленькой точкой.

– Далеко.

– А как далеко?

Романов задумался. Раньше он бы не поверил, что стрела может лететь на такое расстояние. Тут даже с охотничьего карабина стрелять бесполезно. Все равно не попадешь. Сколько же тут метров? И кто-то из самой глубины его сознания подсказал:

– Триста пятьдесят шагов. Твоих, конечно, для меня поболее будет.

Лучник одобрительно цокнул языком.

– Орел! Хороший у тебя глаз. Думаешь, у меня зрение лучше, чем у тебя, оттого и попадаю?

Святослав понял – это он экзаменует так. Хочет понять, на что способен.

– Наверяд ли, – размеренно, немного приосанившись, ответил Романов. – У любого зрения есть предел. Выше, чем Бог предусмотрел для человека, оно быть не может. Даже если глаз у тебя вострее, все равно слишком далеко. Не видно ни черта.

– Не поминай лукавого! Беду накличешь.

Дядька отвесил парню подзатыльника. Забыл, в какое время попал. Но ответом он был доволен.

– Зрение и навык – это всего лишь полдела, а остальное у тебя в груди рождается. Глаза мне и не нужны вовсе. Мишень нужно чувствовать и мыслями стрелу в нее направлять. Сделал все верно – и тогда не промахнешься.

– А я так смогу? – раскрыв рот, спросил Святослав.

Мужик улыбнулся. Он вообще был веселым мужчиной. Даже странно, что воин. В представлении Романова те были суровыми дядьками, даже в зеркале себе не улыбались.

– Если отец был воеводой у твоего царя, то и ты сможешь. Умение это с кровью предков передается. А плохой вой воеводой стать не может.

Романов обрадовался. Он теперь вообще на все реагировал как подросток, очень эмоционально, гормоны играют.

– Так, у меня и дед, и прадед воинами были. До высоких чинов дослужились.

Отец его был из семьи потомственных военных. Прадед еще в царской армии служил. За счет фамилии карьеру сделал, все думали, что родственник какой дальний царственной особе. А вот для деда такая фамилия сыграла злую шутку, чуть не расстреляли. Только к царскому роду они никакого отношения не имели вовсе.

– Сходи-ка, принеси мне стрелы, а я тебя из лука бить поучу.

Сказать, что Святослав обрадовался, ничего не сказать. Он даже не заметил, как пролетел над поляной, выдернул стрелы, которые изрядно увязли в дереве, и вернулся на взгорок.

– Быстр ты, волчонок. Хорошая в тебе кровь течет.

Святослав победоносно качнул головой, растянув губы в улыбке. Да, он таков. Даже былую трусость забыл, храбрец!

В руках воина он увидел лук, только уже поменьше. Пока Романов бегал за стрелами, воин послал отрока в детинец, и тот притащил детский лук. Благо детинец был совсем рядом, ближе чем до столба.

– Ну, тогда смотри и повторяй, – и протянул ему лук. – Во-первых, существует три вида стойки для стрелка из лука: открытая, с разворотом тулова к мишени, прямая, когда торс обращен строго боком к мишени, и закрытая, когда корпус развернут чуть от мишени в сторону. Я стреляю с открытой стойки, которая является самой устойчивой, особенно в ветреную погоду. Положение ступней – ноги на ширине плеч, ступня правой ноги расположена строго напротив левой, параллельно линии мишени, ступня левой ноги располагается с разворотом примерно на полтора часа к линии мишени и смещена чуть назад так, что мысок левой ноги расположен по воображаемому перпендикуляру, проведенному из центра ступни левой ноги. Возможна также более открытая стойка, когда мысок левой ноги находится на уровне пятки правой. Туловище находится вполборота к мишени. Колени прямые, коленные чашечки подняты вверх – это достигается напряжением мышц ног. Но не перенапрягайся.

Ох, и не простой воин попался. Слова-то какие знает: параллельно, перпендикулярно. Это ж геометрия Эвклидова. А в ней тут мало кто смыслит, да еще на полтора часа. Это же стрелки часов нужно видеть, чтобы так изъясняться.

– А откуда ты знаешь геометрию?

Воин взглянул на парня как-то подозрительно. Не то спросил парень, что должен был. Не спросил, как это параллельно, а спросил о науке, о которой он даже слышать не должен. Ох, непрост...

– А ты откуда?

Святослав попятился. Лишнего сболтнул. Так и без языка остаться можно.

– Отвечай и не смей мне врать, я все равно почую ложь.

– Так учили меня. И математике в том числе, – Святослав пожал плечами – мол, а что тут такого.

– И где это тебя так учили? – с подозрением осведомился воин.

Не слышал он о таких местах, где детей наукам учат.

– Далеко это, очень далеко на западе. Сначала в школе, потом в университете.

Воин удивленно развел брови. Об университетах на западе он слышал. Но чтобы мальчонку учили, да к тому же из воинского сословия. Не в чести у западных королей науки.

– Странный у тебя был отец, раз отдал на такое учение. Из тебя что, монаха готовили?

Святослав пожал плечами. Ну откуда мне знать, кого из меня готовили. Думаю, учителя и сами не знали.

– Не знаю. У нас принято так. Если ты не учишься, значит, человек второго сорта. Но я не был особенно прилежен.

– Чудная у вас страна. Как она называется, я вижу, ты мне сказать не желаешь? – Мужчина загадочно улыбнулся. Как будто и так знал все, о чем думал отрок, кто он и откуда...

– Нет, не хочу, – честно ответил Романов.

– Ну и ладно, дело твое. Будем дальше учиться?

Святослав только кивнул. Опасность миновала.

– Спина прямая, вес тела распределен равномерно на две ноги. При натяжении лука плечи не должны смещаться от мишени.

Романов старательно пытался повторять движения стрелка.

– Убери бедро! – прикрикнул учитель и пояснил: – При натяжении лука и прицеливании плечи «уехали» в сторону от мишени, а бедро «передней ноги», ближайшей к мишени, получилось выпяченным в сторону мишени. Чтоб это исправить, надо при натяжении лука чуть больше опереться левой рукой в рукоятку и чуть-чуть наклонить линию плеч к мишени. Вот, получается...

Парень довольно улыбнулся. Ну чего кричать? Все я понял, ничего сложного в этом нет.

– Спина прямая, – продолжил воин, – без прогиба в пояснице, напряги ягодицы. Жопу втянуть. Живот не выпячивать и грудь колесом не делать. Что, как баба у колодца?!

Святослав чуть не заржал как конь. Вот бы у него тренер такой был. И Романов представил Дейла Хантера... Брр, как-то не очень.

– Если будешь полностью раскрывать грудную клетку, то завал на спину неизбежен. Плечи опусти вниз. С полностью растянутым луком левое плечо находится ниже правого, ну хотя бы на уровне. Левая рука прямая, легкий сгиб тут незачем, так как он не может быть всегда одинаковым, а следствие этого – разброс на мишени. Левая кисть, лежащая на упоре рукоятки лука, расслаблена. Но это нужно отрабатывать постоянно.

Теперь правая рука. Нужно правильно держать локоть. Правильное положение – это положение, в котором локоть правой руки находится в плоскости тетивы или чуть-чуть правее. У нас же на Руси большинство стреляет с перерастягом, когда локоть правой руки находится сильно левее тетивы – это неправильно. У тебя хорошо получается. Прямо как степняк...

– Не-е, я не степняк, – ухмыляясь, ответил Святослав.

– Ну, может, белый хазарин... Иудейская у тебя вера али другая какая?

И опять не попал. Учи, учи давай. У меня жизнь только начинается, и лук мне в ней ох как пригодится.

– Православный я... – Святослав вытащил крестик из-под рубахи, что подарила ему Аленка, и поцеловал образ.

Воин удивленно развел руками. Ну что тут поделывать. И опять разум не туда завел. «Интересный ты парень».

– Продолжим. Лицо поверни к мишени не полностью, при полном растяге тетива слегка касается носа и щеки или уголка рта. Такое положение позволяет более точно контролировать угол наклона головы вперед-назад. То, во что ты целишься, всегда должно быть в поле зрения. Но ни в коем случае не надавливай лицом на тетиву – будут отрывы.

Святослав быстро отдернул щеку от тетивы. А кажется, что все так просто.

Воин похлопал парня по плечу.

– Ничего, у тебя получается. При растягивании лука плечи разворачиваются практически перпендикулярно к линии мишени, а уже вслед за ними можешь чуть повернуть таз, только не наоборот. Таз и ноги остаются в неизменном положении. Тяни не только руками, но и спиной. А теперь попробуй, натяни.

Святослав натянул. Силенок за последнее время у него прибавилось, а за счет особых тренировок руки и кисти очень окрепли. К тому же его телу такие упражнения были не новы. Это сразу почувствовалось, как естественно и легко подались плечи лука.

Воин аж крякнул.

– Ну, точно степняк, – и засмеялся, – хорошая у тебя растяжка. Аж целый аршин. Не в первый раз ты, паря, лук в руках держишь, как у взрослого воина.

– Да нет! Вы что, Богом клянусь, впервые! – Святослав от возмущения чуть не подавился слюной.

Ну где он мог стрелять из лука? Он же хоккеист! Хотя нет, было пару раз на природе, стрелял из компаунда по мишени метров с десяти. Приятель у него заядлый охотник был. Но тогда из десятка стрел всего одна в яблочко, остальные как говорится в «молоко».

– Не божись, в жизни всякое бывает... Лук для тебя этот слабоват. Тебе другой нужен. А теперь дыхание. В луке выстрел делается на полувдохе или на полувывдохе, второе лучше. Когда ты растягиваешь лук, смотри только на мишень, а вернее на то место в мишени, куда ты хочешь выстрелить. Не забывай при прицеливании чуть-чуть давить левой рукой в мишень, а правой рукой, вернее лопаткой, тянуть назад. Усилия должны быть сбалансированы. Тело твоё движения должно запомнить, и тогда все своё внимание ты сможешь сосредоточить на стреле и мишени. Выстрел должен быть «неожиданным».

Лучник вскинул лук, оттянул тетиву, щелчок – и стрела ушла ввысь, описав красивую дугу, точно вонзившись в цель. Красиво.

– Ещё нужно помнить о ветре. Сейчас его нет, но когда есть, стрелу от него сносит, и это нужно учитывать. Ветер бывает разным. Коли ветер дует с одной силой и в одном направлении, нужно выносить от цели в противоположную сторону. Если сила его постоянная, а направление переменное, то тут надо выносить цель в разные стороны. Если ветер порывистый – переждать, дожидаться прекращения и стрелять в более быстром темпе, чтоб успеть выстрелить как можно больше стрел до следующего порыва. Если же ветер ураганный порывистый – стрелять с выносом и молиться на удачу, чтоб все стрелы были в цели. И желательно в той, в которую ты целился, а не в десятника твоего десятка, – воин беззаботно рассмеялся.

– А мне до столба точно не добить, лук слабый, – мудрствовал Святослав.

– Не беда. Эй, парнища, а ну принеси щит и встань с ним в ста шагах от холма. Вон там, у реки, – крикнул воин парню, что бегал за луком.

– А если я в него попаду? – удивился Святослав. – А вдруг убью?

– Ну, допустим, убить его не так-то просто. Через пару лет сей детский отроком дружинным станет. Это тебе не лапотник. А коли попадешь, я тебе этот лук подарю.

Для Романова было невдомек, что со ста метров, стреляя в первый раз, даже в ростовую мишень не попасть, а уж в щит и подавно.

Повеления воина отрок исполнил быстро, встал у реки, щит на руку повесил, ждет. Мужик подмигнул Романову, мол, давай, щегол, покажи, из какого ты теста. И Святослав показал. Не он это стрелял, а тот, кем он был ранее. Мальчик, чье место он занял. Все, как ему говорил воин, так он и сделал. Вскинул лук, выхватил стрелу, наложил, натянул резко и отпустил. Щелчок тетивы о запястье. Больно, но привычно. Не впервые его так ласкают. Ушла стрела. Быстро, стремительно, не целясь. Короткий перелет и удар. Стрела в щите, в центре под умбонном. Воин улыбнулся, обнял Святослава за плечи, развернул к себе.

– Ну, коли лук ты держишь впервые, то меч вообще никогда не держал. Прекрасный выстрел. От души. Лук свой заслужил.

– Благодарю, но я правда впервые...

– Дело твое, но стреляешь ты лучше половины моих гридней. Ну-ка, еще раз покажи.

И Романов выстрелил. Стрелы были специальные, для его лука. У воина они длиннее и тяжелее. И снова попал, опять не целясь. А потом еще и еще. Весь десяток, за пять ударов сердца. Все в цель. Это быстро, быстрее, чем сам воин пускал. Лучник покачал головой.

– Хорош, Святослав Игоревич! Лучше меня с луком управляешься. А я еще учить тебя вздумал. Видно, сильный у тебя род. Где же ты живешь такой?

Святослав насупился. Ну не хотелось ему после такой похвалы говорить, что он холоп.

– У кузнеца живу. Холоп я, – буркнул Романов.

Мужик улыбнулся.

– И как же тебя в холопы угораздило?

– Потерялся я, к реке вышел, а там на меня боярыч – сука – налетел, побил ни за что и похолопил со своими шестерками.

Воин нахмурился. Красивое лицо исказилось от раздражения. Потемнело солнышко.

– Значит, как разбойники на путника напали? Так получается?

Святослав пожал плечами.

– Значит так, я ваших законов не ведаю.

– Грамоту холопскую на тебя уже составили?

– То мне неизвестно. Меня к боярину не водили. Живу у кузнеца, помогаю по хозяйству.

– Тогда делай, что велено. Когда разберусь во всем, пришло к тебе человека. Коли свободным станешь, знаешь куда идти?

Святослав задумался. А знаю ли я, куда идти? К реке или в степь, где я проснулся? Нет, ничего хорошего мне там не светит. Домой мне так точно не вернуться.

– Не знаю. Если честно, некуда мне теперь идти.

Воин задумался.

– Руки покажи.

Романов протянул руки мужику ладонями вверх. Тот покрутил их, рассмотрел внимательно.

– Вот здесь, видишь мозоли?

Святослав посмотрел. Его ладони вообще теперь напоминали сплошную мозоль. Ничего особенного.

– Ну, вижу. Мозоли.

– Это мозоль от тетивы. Она уже никогда не пропадет. Лук в руках ты лет с пяти держишь, зим семь уже. Говорить можешь что хочешь, но я не удивлюсь, если на коне ты сидишь как влитой. Не дури мне голову, мальчик.

– Я не дурю. Я правда... Я просто память потерял, ударился сильно, теперь что-то помню, а что-то нет... – И губы его задрожали, а из глаз потекли слезы.

Воин сначала нахмурился, ложь он не любил. Да и кто ее любит? Но потом не выдержал. Как можно сердиться, когда ребенок плачет? Потрепал мальчишку по голове, обнял отечески.

– Ну хватит, хватит, не плачь. Вспомнишь все со временем, у меня в дружине гридень один был. Так ему палицей по голове прилетело, ничего потом не помнил, но через пару месяцев отлегло, начал признавать своих. И ты все вспомнишь. Ты, парень, из белых благородных хазар. Мало вас осталось. Те, что живы, спасаясь, после разгрома вашего царства в Византию подались. Хорошие были воины.

Святослав в этот момент выглядел совсем глупо. Что за хазарин? Он о таких вообще ничего не слышал. И откуда этот мужик это взял. Видимо, лицо Романова говорило лучше любых слов, и воин пояснил:

– Рисунок у тебя на руке. Это хазарский узор. Перечисляет твоих предков до первого колена, а их у тебя на руке сотни.

Романов посмотрел на свои руки. На них и, правда, был узор, напоминавший древо, красивое такое, с витыми рунами, весь рукав набит от локтя до кисти. Очень качественная татуировка. Он ее, конечно, давно приметил, но значения ей не придал. Просто для красоты, полагали, сделали.

– А откуда ты знаешь? – удивился Святослав.

– Мой род испокон веков князьям Киевским служил. Родич мой с князем Святославом на Хазарский каганат хаживал. Давно это было, но деяния славные мы помним и чтим. И в Киеве несколько хазар есть, из бояр. Их рода еще при Святославе под Русь пошли. Отличные воины.

Сколько информации. Это я, получается, воин степи в надцатом поколении?! Сильно...

– И что мне теперь делать? – задал глупый вопрос Святослав.

Воин улыбнулся, снова просветлел.

– Ступай домой, к кузнецу. Работай прилежно, а я во всем разберусь. Коли правду ты сказал, то похолопили тебя не по Правде. А значит, ты вольный, да не смерд какой, а сын воина. Такому место среди детских в дружине. Можешь к боярину пойти, в детские. К своим тебе все равно не добраться. Далеко они.

– А кто ж меня возьмет? Я ж чужак!

Для Святослава теперь было ясно, коли ты чужак, значит максимум, на что можешь рассчитывать – это быть рабом.

– Ну, я возьму. Добрый из тебя воин выйдет, верный. Ты ведь верный?

Святослав даже возмутился. Да он сама честность!

– Конечно. Лучше смерть, чем предательство!

– Это ты правильно мыслишь. Мало в наше время верных людей. Таких уже и взрастить нельзя. Ну не растут верные богатыри на земле Русской. На кого ни взгляни, то предатель.

– Так в дружину взять только боярин или князь может?

Воин хитро подмигнул и хлопнул Романова по плечу.

– Не робей, паря. Я и есть боярин, а тот щенок, что тебя похолопил, сын мой нерадивый. Я боярин Путята, служу князю Всеволоду, его еще Большим Гнездом кличут. Слышал о таком?

Святослав утвердительно покачал головой. Обалдеть можно, вон как судьба повернулась.

– Ладно, пора мне. А ты смотри, веди себя достойно. Помни о своих предках и словах великого Святослава: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые сраму не имут. Если же побегим – позор нам будет. Так не побегим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». Будь достоин сего имени и не ври больше. Воины не лгут, потому и верят нам на слово.

Романов стоял и слушал, раскрыв рот. Сильные слова, за душу берут. После них с гранатой и на немецкие танки. Ведь мертвые сраму не имут...

Домой Святослав шел в приподнятом настроении. Кажется, жизнь налаживается. Не все так плохо, как казалось на первый взгляд. Хоть и не в царской семье родился, но воин в надцатом поколении – это тоже неплохо. Романов шел по дороге и разглядывал наколку. Красиво, жаль, что прочесть надписи нельзя. Святослав говорил на французском – жил во Франции пару лет, и на немецком языке – его в школе учил. Благо на память не жаловался. Ну, еще само собой английский знал в совершенстве. В Гарварде учил латынь, правда кое-как и кое-где, но благодаря памяти, для универа знания неплохие. Но вот беда, надписи были написаны на другом языке. Этого он не знал.

Домой Святослав пошел через колодец, надеясь увидеть Аленку. Хотелось рассказать о своем происхождении и о том, что его вскоре ждет. Да только от мыслей о девчонке на сердце стало как-то грустно. Он станет свободным, воинскому делу будет учиться, а она так и будет холопкой, да еще вдали от него. Он-то в детинце жить будет, а она здесь... Что-то я совсем расклеился. Чего это я о девчонке так беспокоюсь? Тридцатилетний мужик, а ей лет десять. И сам себя успокоил: друг она мой, единственный. Переживает за меня, беспокоится, даже от врагов обороняет. Таких женщин там уже нет. Вот она, настоящая русская баба подрастает. Что и коня на скаку... и в горящую избу войдет. Хотя нет, не баба, девушка. Да еще какая...

Мысли Святослава оборвали крики и визги, доносившиеся из-за сарая. Романов уже привык проходить мимо и прошел. Не его это дело, если кто дерется, пусть сам и разбирается. Его сторона правая. Но не успел он пройти и десятка шагов, как баба, несшая на плечах коромысло с тяжелыми ведрами, ухмыляясь, крикнула ему:

– Слышишь, проучили пигалицу мальчишки. Эка сучка нашлась, чтобы парней коромыслом бить. Не будет у тебя больше заступницы, – и рассмеялась, противно так, как свинья.

Да и похожа она была именно на свинью, жирную и грязную. Сердце у Святослава сжалось. Аленку бьют? Или еще чего хуже? И снова страх... Их же там много, пойдет выручать, и меня побьют! Ах, чувство ты бесовское! Ну, какой же я после этого мужик? И снова слова великого Святослава: «Мертвые сраму не имут...» Я буду достоин своих предков. Святослав пересилил страх, рванул в переулочек, выглянул из-за угла. Небольшой сарай, остатки прошлогоднего сена кругом. Семеро парней, двое Аленку держат, третий ей подол задрал. Рыжий мальчишка прутом девчонку по розовым ягодицам охаживает, кровь по бедрам сочится. У Святослава даже дыхание перехватило. Звери! Старший, лет четырнадцати, сын кожемяки, подошел ближе, развязал гашник и спустил портки.

– Ну все, проучу тебя сейчас, ведьма, на всю жизнь запомнишь.

– Э-э-э, брат, ты чего? – испугался парень в веснушках. – Ты маленький еще. Знаешь, что с нами сделают за такое?!

Парень отмахнулся от младшего брата.

– Да брось, она холопка, ничего нам не будет.

Аленка закричала, дернулась, попыталась вырваться, не получилось. Во рту у Святослава все пересохло. После двух сотрясений мозга страшно получать третье, но внутри что-то переключилось. Боль и отчаяние маленькой беззащитной девочки передались ему. Обожгло ударом тока. В голове стало пусто, а по телу прокатилась волна всепоглощающей ярости. Его не стало, он растворился в мировом эфире, а телом его завладело что-то чужое, жаждущее крови. Радующееся мукам и боли врагов. И разнесся вой над деревней. Страшный волчий вой. Тот, что вел варягов Святослава в бой под Доростолом. Глаза Романова расширились, а из груди вырвался рык вперемешку с воем. Он летел, не разбирая дороги. Его телу не нужна была дорога. Перескочил через бочку с водой, пробежал по гряде наваленных досок. Вой слышали все, и никто из них в нем не признал трусливого чужака. Выл голодный, обезумевший от боли волк. Из рта парня капала густая слюна, глаза как уголь, сплошная чернь.

Старший парень не испугался. Что ему этот щенок, что возомнил себя берсерком? Пусть скулит, сколько хочет. С размаха ударил его палкой по голове. Холопа можно и убить. Отец виру заплатит. И... палка сломалась, а щенок бросился на него, как будто не об его голову только что переломили толстую жердь. Святослав ничего не понимал, ничего не чувствовал, только жажду убивать всех, кто попадется ему на пути. Смерть врагам! И парни это поняли. Драка – это одно, дело самое обычное, а вот смертный бой – совсем другое. Для него воином быть нужно, чтобы ни себя не жалеть, не других. Парни в ужасе пытались бежать, но он был быстрее. Для него все вокруг как будто остановилось. Он бил руками и ногами, вгрызался зубами в поверженных врагов. А удары, что сыпались в него, проходили бесследно. Вокруг кричали, стонали, просили о пощаде, плакали. Но не было в его сердце жалости, не дал Господь животному такого чувства. Из переулочка выбежал парень в порванной рубахе, весь в крови, рука разодрана до мяса, лицо сплошное месиво, глаза безумные.

– Берсерк! Оборотень!

Парень пробежал с десятков шагов и упал в беспамятстве. На крик обернулась свинья с коромыслом. Тоже заголосила. К колодцу сбежали мужики с топорами и вилами, гурьбой вломились в переулочек. Все в крови... Шесть тел с неестественно вывернутыми руками и ногами валялись повсюду. Стонали, может даже кто-то был еще жив. Посреди этого хаоса сидела девочка, обняв голову мальчика. Если бы не его лицо, залитое кровью, можно было сказать, что он красив. Из глубоко посаженных глазниц на людей взирали черные зрачки – глаза зверя. Толпа отпрянула назад. Среди людей пошел шепот:

– Берсерк, берсерк, ульфхеднар, оборотень.

Люди были в ужасе. Слышали они о таких воях в дружинах северных конунгов. Но чтоб в степи, мальчонка?!

А Святослав... его сейчас не было. Индейцы майя сказали бы, что сейчас в нем был зверь, его сущность. Святослав слышал только стук в ушах, ощущал запах добычи и страх. В узде его держал тихий, родной девичий голос. Голос маленькой бесстрашной девчонки, что шептала ему на ухо:

– Все хорошо, мой хороший. Все хорошо. Никто нас не обидит, ты победил. Все хорошо...

Глава шестая. Ночь перед судом

В себя Святослав пришел поздно ночью, притом уже следующей. Проспал целые сутки, и никакие тычки и затрещины его разбудить не могли. Вот вам цена силы. Организм выплеснул за короткий срок весь запас энергии, что накопил на черный день. И этот день настал. Итог: нервная система перегружена, в голове туман, как после крепкого перепоя, и боль. Притом болело все тело, не где-то конкретно, а повсюду. Колющая боль в каждой клеточке организма. Но вот что странно, ни крупных синяков, ни огромных кровоподтеков не было. Небольшие ссадины и покраснения, вот и все.

Последнее, что помнил Святослав, это заплаканное лицо Аленки, страх, исходивший от маленькой девочки, и ярость, пробудившуюся в его сердце. Необузданная, бесконечная, способная свернуть горы. Сладкое чувство вседозволенности и всемогущества. А потом запах и вкус крови, терпкий, острый, отдающий железом. Парень чувствовал, что произошло что-то ужасное, непоправимое. Да, он знал, что кого-то убил. Столько крови...

Святослава охватил озноб. Ему было страшно, но не от того, что его теперь ждет, а от того, что ему понравилось это чувство. Ему понравилось быть зверем. Чувство собственного всемогущества – страшный наркотик.

Романов осмотрел свою темницу – яма. Его посадили в большую яму, накрытую сверху решеткой. «Вот и все, скоро я отправлюсь домой. Да, именно домой, – с некоторой отрешенностью решил Святослав, – ведь жизнь человека коротка». На земле он проживает всего лишь одно мгновение по сравнению с той вечностью, что уготована вселенной. Люди жили до него и будут жить после, таков удел. Но ведь мы откуда-то приходим и куда-то уходим? Душа есть энергия, а она не исчезает бесследно. Святослав улыбнулся. Никогда он не задумывался о таких вещах, казалось, что будет жить вечно. «Права была Аленка, ни в кого я не верю, ни в Бога, ни в черта. Тяжело так жить, а умирать еще тяжелее. Быть может, завтра я умру, а мне даже помолиться некому и за кромкой меня никто не встретит. Потому что не верю я в загробную жизнь. А раз не верю, значит, для меня ее нет. Есть только то, что осознаешь. Вот и все».

Святослав посмотрел на небо. Черное полотно, утыканное множеством точек, и полный диск луны. Как будто смотрит на него, печально так. Грустно. «Теперь понятно, почему волки воют на луну. Я бы тоже завыл, будь я волком». И он снова улыбнулся, сам не понимая чему.

Святослав откинулся к земляной стене. Должно быть холодно, но нет, просто прохладно. Мысли начали разбегаться, превращаясь в образы из прошлой жизни. Он закидывает шайбу, папка подбрасывает на руках, а потом на маленького мальчика кричит тренер, потому что у того что-то не получается. Вечеринки, тачки, бесконечный круговорот в погоне за мечтой. Увидел и женщин из прошлой жизни, блестящих, горячих, но пустых. Как фантики от конфет. И показались ему эти видения чужими. Не его это была жизнь. Веселая, беззаботная, но не его. Не для того он создан, есть у него цель в этой жизни, и она где-то рядом. Нужно только потянуться за ней. А потом увидел он другую картину. Тоже воспоминания, но не его. Город каменный, серый, с высокими стенами, раскинувшимися у реки, и гриди под голубым небом Балкан. Высокие белые тучи и легкий порыв ветра, развевавший сотни стягов. Десятки тысяч русов нерушимой стеной встали в поле. Спешенная дружина, конная гридь, вятичи ополченцы, красные щиты, маковки шеломов. А на холме воин, залитый в сталь, на белом коне. Блестит на солнце золото, развевается знамя с пардусом. Много русов, но еще больше их врагов. Стройные ряды сирийской пехоты, греческие наемники, критские стрелки, балерийские пращники, дунайские печенеги, а во главе закованные с ног до головы в латы катафракты. Грянули трубы, пошла тяжелая пехота, за ними – лучники. Идут, чеканя шаг. Ряды русов не шелхнутся, непоколебимы в своей решимости стоять насмерть. Нет им чести в жизни, коли покажут спину врагу. Пехота остановилась, лучники вышли вперед, еще рокот труб, залп. Смерть ушла, но

русы не шелохнутся. Надежно держат стрелы капельки щитов и варяжская сталь. Еще залп, но уже не безответный. Русы ударили из луков, и стрелы их вбились в тяжелую пехоту, накрыли лучников. Мощны луки русов, многих побили, из других храбрость вышибло. Грянул боевой рог, вздрогнула кованая рать. Разнесся боевой клич: «Перу-у-н!» И понеслась волна русов, и нельзя ее было остановить, потому что один у них только путь, только вперед. Ведь с ними боги и великий князь Святослав.

Картинка поблекла и начала пропадать. Из раздумий парня вывел голос, тихий, еле слышимый шепот:

– Ты там?

Святослав поднял голову, сфокусировал взгляд. Наверху чья-то тень и золотистая косичка, проскользнувшая меж решеток. Аленка!

– Ты как?! Как тут оказалась? А стража где?

Аленка тихонечко засмеялась.

– Ты думал, стерегут тебя как зеницу ока? Царевна нашлась. Спит стража...

– Аленка, а ну тихо там! – прикрикнул голос из темноты.

Аленка вжала голову в плечи. Святослав этого не видел, темно, но почувствовал.

– Ну, почти все спят. А Соколик меня пропустил, мамка его после сечи выхаживала, а я помогала. Тебе, Святославушка, бежать надо.

Парень опустил голову и уставился в земляной пол. Из земли червяк вылез, шевелится. А я не червяк, мне не уползти. Да и зачем? Что бы меня ни ждало, я заслужил.

– Не побегу, – упрямо буркнул Святослав, – каждому по делам его.

– Ты что?! Глупый, последние мозги, что ли, палкой вышибло. Али не было их у тебя вовсе? – разозлилась девчонка.

Святослав даже удивился. Он тут смирение показывает, как велел Господь. Хотел мученическую смерть принять за свои злодеяния, а его тут хаят.

– Ты чего, Аленка? Я же заповеди Господни нарушил, страшную самую, я знаю. Ведь детей растерзал. Как я жить после этого буду?

– Если тут останешься, то не будешь. Родичи тебе жить не дадут, убьют они тебя.

– Ну и пусть! А разве меня не казнят? – встрепенулся парень. Нет, не хотелось ему умирать.

Девчонка покрутила у головы пальцем, изобразив характерный жест.

– Ты ж холоп, вещь. Разве меч за то, что он человека разит, раскалывают? Хозяину голову присудят и виру князю, а с тебя он сам спросит.

Святослав снова опустил голову. Ну, что я за человек? Я ведь детей убил, а о своей шкуре все беспокоюсь.

– Не важно. Все равно убийца.

Тут Аленка уж совсем вышла из себя. Жалости ему хочется, как маленький! И уже хотела сказать все, что о нем думает, но сдержалась. Другой он, умный, а простых вещей не понимает.

– Ты, Святослав, повел себя как мужчина...

– Но ведь убил!

– Господь сказал «не убий», но разве Господь велел тебе отдать на растерзание врагам своих детей, могилы своих пращуров, память предков? Нет! Наивысшее предназначение мужчины – это защищать свой дом. Мы созданы по образу и подобию Господню. А когда лукавый напал на царство Божье, тот не стал стоять и смотреть, как его рушат. Архангел Михаил вел войско Господа на нечистого и победил. Думаешь, они там в бирюльки играли? Тоже убивали. Но они правду защищали! И ты вчера защитил правду. Поступил так, как и велит поступать Господь. И на этом точка!

Вот оно как! А он-то думал, что девчонка абсолютный пацифист, как хиппи в восьмидесятые.

- Аленка, тебе сколько лет? – удивленно спросил Святослав.
- Десять, – неуверенно ответила девочка.
- А говоришь аки змий лукавый, сетями меня оплетаешь, яблочком наливным манишь.
- Тьфу ты! Дурной, я ему о серьезном говорю, а он все шутит.

Святослав рассмеялся. А правда, чего это нюни тут распустил? Каждому воздается по его заслугам, если случилось что, значит, заслужил, судьба. И снова вспомнились неустрашимые русы, сминаящие византийский строй. Нет, человеку о жизни и смерти рассуждать невместно. Делай, что должен, и будь, что будет. Хоть и заезженная фраза, но очень точная. «Я буду достойным своих предков. Я – Рус! Именно так, с большой буквы. И не важно, кто я по крови. В России много народов живет, но родина у всех одна, и коли ты за нее сражаешься, то не важно, какого ты рода-племени. Взял руки меч за Россию, значит русский».

Аленка всматривалась в темноту ямы. Не видно ничего, но чувствуется. Чувствуется, как сила оттуда поднимается, как воздух свежестью наполняется, как тогда, когда Святослав пришел к ней на помощь. Зверь в нем снова пробуждается, чует кровушку ворогов. Не будет себя больше жалеть. Другой он теперь.

- Я сейчас лестницу спущу, а ты пока ноги разомни. Сидишь тут давно, онемели небось.
- Нет, стой! – властно ответил Святослав.

И Аленка встала как вкопанная. Как будто кобылу осадил.

- К боярину иди, только старшему. Расскажи ему обо всем. Он поможет.

Девчонка удивилась, даже разозлиться не успела. Помыкает тут еще.

- Так он и так все узнает, судить-то он будет. Да и с чего это ему тебе помогать?

Святослав вдохнул глубоко-глубоко. Вроде в яме сидит, а воздух свежий, как после грозы.

- Мы с ним одной крови, – спокойно изрек пришедшую к нему истину Романов.

Аленка даже ахнула.

- Ты сын его?

Святослав улыбнулся. Нет, женщина есть женщина, блондинка.

- Нет, не сын, между нами другая связь, тебе не понять, ты же девчонка.

Малышка фыркнула, как ретивая кобылка. Муж видный, видите ли, нашелся. Рискуешь из-за них, а они в грош тебя не ставят.

- Пока всю правду не скажешь, никуда не пойду, – уперлась Аленка.

Святослав встал во весь свой рост, и показалось ему, что он снова стал таким же большим, как и прежде.

– Не объяснить это. Я предков своих вижу, чувствую их, а он это знает. Понял он меня и оценил. Если я прав был, то в обиду он меня не даст, главное заранее предупредить, чтоб поздно не было. Справишься?

Святослав посмотрел на девчонку и увидел ее. Всю, как днем. И она увидела, но только глаза, полыхнувшие черными огоньками.

- Ой, страшно...

При свете дня глаза у него голубые, а тут черные как ночь и светятся страшно.

Романов улыбнулся. Вот что значит энергия Чи...

- Не бойсь. Я добрый, тебя не обижу, – и подмигнул лукавым глазом.

Малышка взяла себя в руки. Сделала шаг вперед, расхрабрилась.

- А чего мне бояться, ты за решеткой, без меня не выберешься.

Святослав рассмеялся.

- Не злись, ближе тебя нет у меня никого. Ну что, справишься?

Девочка хлопнула ресничками, улыбнулась.

- Сделаю. Будь уверен.

– Аленка, давай скорее. Обход сейчас, увидят тебя, худо будет, – раздался неведомый голос из темноты.

– Не переживай, все будет хорошо, – сказала Аленка и скрылась из виду.

Какое-то время еще были слышны шаги. Потом голоса. Десятник делал обход. Журчание мочи, кто-то вышел излить накопившееся, а потом все стихло. А Святослав снова сел на землю, но не спалось и думалось тоже плохо. Снова навалилась слабость.

Яма для смутьянов находилась прямо в центре села, напротив церкви, тут же и сторожка, правда, скорее, для порядка, чем для дела. Узников никто выпускать не собирался. Вот сбежит разбойник, а отвечать будет село, всем миром. Дикая вира для маленького села – штука страшная, лучше сразу в прорубь головой. Особо опасных же разбойников сажали в темницу, что была в детинце.

Родители Аленке ночью из дому выходить не разрешали. Только мать с собой брала травы собирать, на Купалу. Травы в праздник особенные, хвори мигом лечат. Но сегодня Аленка ослушалась, сбежала из дому и к Святославу направилась. Ну не могла она его на произвол судьбы бросить. Он же за нее вступился. Хоть папка и сказал: на все воля Божья. Но воля Божья она такая, никогда не знаешь, чего Господь хочет. Да только зря сходила, гордый он – Святослав, бежать не захотел. А вот как ему теперь помочь? К боярину, видите ли, сходи. Легко сказать, а трудно сделать. Кто ж ее пустит к боярину такую пигалицу? Спустят с крыльца, вот и весь разговор. Хорошо хоть ворота в детинце на ночь не закрывают, а то совсем худо. Можно, конечно, было бы и утра подождать, да только вот беда. Суд на рассвете.

В детинец Аленка не пошла. Домой направилась. Если и можно что-то сделать, то Ждан придумает. Он умный и упорный, если решит что, то не отступит. А уж в детинец пробраться для него вообще проще пареной репы. Степняку за спину заскочит, а тот и не заметит вовсе.

Ждан мерно посапывал на полатах рядом с младшими, мамка с папкой за зановесочкой. Темно в горнице, от маленького окошечка света совсем мало. Аленка на ощупь обогнула лавку, потом стол, по горнице разнесся звучный храп. Папка шумит, значит, сон чуткий. Других, когда храпят, хоть палкой бей, все равно не разбудишь, а папка он такой. Чуть что, проснется и за нож хватится. Это у него привычка старая, еще с молодости, когда Всеволоду служил. Папка сильный, во многие походы хаживал. Но не спокойно у него на душе из-за прошлого. Много он повидал, теперь кошмары снятся. Девчонка подкралась к брату, ничего не задела. Все ж горница родная, каждый уголок в памяти. Парень почесался, пробубнил себе что-то под нос и перевернулся на другой бок. Аленка прислушалась, все как обычно. Встала на цыпочки, подтянулась за край полатей, высоко. Заскрипели сухие доски. Почти забралась, но тут Ждан, почувствовав неладное, перевернулся и открыл глаза.

Просыпались когда-нибудь от шороха за спиной, а над вами навис темный силуэт? Да? Значит поймете.

Ждан чуть в потолочную балку от испуга не врезался, руками взмахнул, и Аленка полетела вниз. Грохнулась не громко. Чурки, что были вместо пола, шуметь не привыкли, но больно. Даже чуть не расплакалась. Папка вздрогнул, приоткрыл правый глаз, осмотрел горницу из прорези в занавеске. Тишина, в горнице пусто, но кто-то еще не спит. Никифор привстал на локте, протянул массивную руку, чтобы отодвинуть занавеску в сторону. Аленка в пол вжалась, даже дышать перестала. Если папка увидит, никуда не отпустит и Ждану запретит.

– Папка, ты чего проснулся. Спи, рано еще, – зевнув, сказал Ждан.

Никифор слегка отодвинул зановесочку, посмотрел на сына. Станный какой-то, взъерошенный. Как будто росомаху встретил.

– А ты чего не спишь? Вид у тебя какой-то озабоченный. Случилось что?

Ждан потянулся, зевнул нарочито широко и спрыгнул с полатей.

– На двор схожу, а то что-то прихватило. Живот крутит.

– Может, мамку разбудить? Отвар тебе даст какой, лечебный.

Ждан посмотрел под лавку, а там Аленка ему рожи корчит. Мол, не выдавай.

– Не-е, пап, не надо. Сейчас побряхчу маленько и приду.

Ждан босыми ногами полапотил во двор. Отец посмотрел ему вслед, подозрительно так... Потом лег, глаза закрыл и дышит ровно, прислушивается. Аленка подождала немного и тихонько, бочком поползла вдоль стеночки к выходу. Ждан ждал во дворе. Стоял, насупившись, как папка, когда ему перечат.

– Ты чего, дуреха, спать мне мешаешь? Самой не спится, и другим не даешь. Видимо, работы у тебя мало.

Девочка приставила пальчик ко рту брата и прошипела:

– Тихо ты! Папка услышит.

Брат посмотрел строго, палец отодвинул, кивнул.

– Говори, что случилось. Чем смогу, помогу.

– К боярину сходить надо. Рассказать все, что сегодня произошло, а то сгинет Святослав.

Ждан поморщился – опять она про этого чужака, от него только беды... Помолчал маленько, обдумал.

– Зачем идти, он и так завтра все узнает.

Аленка разозлилась. Ну как же он не понимает? Святослав сказал надо...

– Ну... Чтобы боярин придумал, как Святослава спасти.

Ждан улыбнулся. Глупая девчонка. Ну, на что боярину спасать какого-то холопа? Глупость какая.

– Ложись-ка ты, Аленка, спать, утро вечера мудренее.

– А Святослав как же? – изумилась девочка.

– Да что с ним будет? Боярин либо головное родственникам убитого заплатит за своего холопа, либо выдаст его головой. Все в руках Господа.

Аленка чуть не заплакала. Вот тебе и помогу, чем смогу. Да если боярин платить не захочет, Святослава ж на куски порвут.

Тут из темноты сеней вышел Никифор. Здоровенный, грозный такой.

– Значит, живот крутит? Ну вы у меня неделю на зад не сядете. Так отхожу, что вмиг забудете, как отцу врать.

Ждан попятился. Ох, и достанется же за вранье. А Аленка рванула со двора со всех ног. Ни крики отца, ни оклики брата ее остановить не могли. Теперь думать уже поздно. «Бежать в детинец, но не сразу. Отец догонит. Нужно к лесу скорее, там бурелом, папка не пролезет, а я маленькая, юркая, да и тропка там есть, тайная».

Никифор большой, неуклюжий, тяжело в темноте за ребенком гоняться. Бежит, не разбирая дороги, споткнулся, упал, да так неудачно, что ногу подвернул. Выругался, попробовал встать, больно, поднял голову, а Аленки уж и след простыл.

Девочка бежала сломя голову. Упала пару раз, поскользнувшись на взмокшей от росы траве, платьишко порвала. Жалко, новое совсем. Нырнула в бурелом и снова не заметила, ветка в лицо, обожгло как плетью. В лесу вообще хоть глаз выколи, ничего не видно. С трудом выбралась из кустарника. Измучилась вся, дышит как зайчишка, страшно. Отлежалась маленько. Луна выбралась из-за облаков, стало светлее. Пошла вдоль леса к реке, там брод, можно перебраться на другой берег. До детинца уже рукой подать. Пока шла, промокла до ниточки, трава-то высокая и мокрая от росы. Брод по колено, закатала платьишко по привычке. Перешла. В воде кто-то плескался, может, русалка путника стережет. Но Аленке их бояться нечего. Им мужи добрые нужны, а не девчонки сопливые. На дорогу выходить не стала. Вдруг Ждан папке все рассказал, могут там подстеречь. Пошла вдоль реки. Она к детинцу вплотную подходит, к самым причалам. Замерзла, как суслик, так что зуб на зуб не попадает. Выбралась на высокий берег у привратной башни. В крепости тихо. Присмотрелась и ахнула. На поле перед детинцем несколько всадников стоят, в шапках меховых, в куртках стеганых, страшные какие-то.

Луна осветила чужаков. Степняки! Половцы. Морды плоские, загорелые, волосы как солома, луки держат, принохиваются. Ветер на меня дует, не учуют вороги. Что им тут делать? Мало их, чтобы на крепость напасть. Или их больше? От опушки леса крякнули как-то по-особому. Всадники обернулись, тронули коней в бока и помчались прочь. Тихо скачут, копыта тряпками обмотаны. Ох, пронесло. Теперь точно к боярину. Враг у самых ворот. Мало ли что они задумали. Аленка осмотрелась, нет никого. Вышла из своего укрытия, направилась к воротам. Но на душе не спокойно, как будто наблюдает кто. Перешла на бег, скорей укрыться за стенами. Ох, скачет кто-то, обернулась. Трое всадников. Один мальчик совсем и два воя в бронях. Боярыч, точно он! Домой едет. А не его ли половцы стерегут? Девочка осмотрелась. Впереди кочки... Не было их тут. Развернулась, назад бежать поздно. Крадутся двое ворогов вдоль реки, как тени. Обернулась снова к детинцу, а кочек-то уж и нет. Два ворога с черными мордами, в боевом железе, да в траве с ног до головы. Аленка хотела закричать, но крик застрял в горле. Страшно, аж ноги подгибаются. Схватили цепкие руки, скрутили, поволокли к реке. Сунули что-то к носу, закружилась голова, и ушло сознание. Последнее, что услышала девочка, забросили ее охлебкой на коня и повезли куда-то. А по конным русам полетели стрелы, градом, со всех сторон. Ни увернуться, ни щитом прикрыться, да и бронь не спасла. Рухнули воя с коней. Грохнулись оземь, словно ежи, утыканые стрелами. А Данилка выхватил меч, крикнул грозно и рухнул с коня. Набросили на него аркан, скрутили, дали обухом топора по голове, вот и весь бой.

Глава седьмая. В царстве Морфея

Небо черное, дым густой, смрадный, степь бескрайняя кругом. Лошинка березовая, речка тихая, берег ровный с мостками. Ладьи купеческие у мостков. Тихо плещется вода о дубовые доски, тело к берегу прибило, крови с ним море пенное. Три стрелы в спине с черным оперением. На ладье люди, русичи спят, но не проснутся уж никогда. Сон их мертвый, бесконечный. Порублены саблями половецкими, утыканы стрелами черными. Не вернутся мужья к женам своим, не увидят дети малые отцов своих. Погибли купцы храбрые. Погнались за золотым руном и сгинули вовсе.

А дым все усиливается, столбом над деревенькой поднимается, уносит ввысь души замученные. Горят избы как пучки хвороста, не слышно уже криков и стонов. Лежат тела неприбранные, во дворах и на улицах, в избах горящих и в сараях разбитых. Повсюду лежат. Все погибли, а кто жив остался, не может уже говорить. Дар речи от увиденного пропал. Женщины в одних рубахах нательных сидят, как скот у часовни, объятай пламенем. Уже не плачут, даже не всхлипывают, смотрят в одну точку и молчат. Нет в них больше человеческого, лишились разума бедные. И детишки маленькие сгрудились рядом с мамками, жмутся к ногам, ища защиты от ворогов. Но некому их защитить, повсюду половцы. Смеются плосколицые, весело им. Потешили плоть свою, хороши бабы русские. Много выгоды с них получить можно на торгах хорезмских. Побили беспечных русичей, сонными всех, тепленькими взяли. Все, что их было, теперь нашим стало. А орда уже дальше катится. Скачут всадники черные, под одним лишь светом лунным, как воры в ночи на Русь движутся. Тянется за ними вереница полоняников и возы с награбленным. Много взяли, но возьмут еще больше. Крест на распутье стоит, а к нему муж славный прибит. Крепок он был, богатырь. Волосы светлые, борода густая, аккуратная, мышцами весь переплетен, словно броней. С ног до головы в ожогах и ссадинах. Из последних сил держится, ребра уж и кожу прорезали. Прилетел ворон черный, сел перед русичем. Бесконечная змея всадников проплывает мимо мученика. Смеются половцы, вот он – грозный рус. Вот что с ним стало. Вспорхнул ворон, завис над телом воина, размахивая крыльями, вцепился под ребра, где кровушка красная течет. И начал клевать внутренности. Каркнул страшно, выронил из клюва плоть окровавленную. Не разевай, половец, клюв, мигом добыча выпадет. А воин только сжал зубы посильней, улыбнулся.

– Ну, все, теперь в рай, братья мои. Отомстите за меня ворогам окаянным. Не уронил я чести своей, не запятнал памяти предков делами паршивыми. Вынес все, и вы вынесете, – молвил он в небеса, как будто его слова могли донестись до его далеких родичей, и ушел в другой мир, опустив голову.

А потом тень заволочла взор Святослава, и не видел он больше злодеяний половецких, детинец узрел, рожицу малую, что у моста через Студенку раскинулась. И снова ночь кругом. И луна такая же, большущая, полная. Хорошо видно человека у опушки. Крепок он, в кафтане богатом, плащ шелковый, соболем отороченный, поверх кольчуга позолоченная, на поясе меч германский, секира в петлице. В лесу десяток воев сидит. Все нурманы страхолюдные. Ждут кого-то, не терпится им. Наконец топот копыт послышался, скачет кто-то. Точно, трое всадников. Старший в железе дорогом с ног до головы и конь его тоже. Бронь двойная, снизу кольчуга, сверху доспех дощатый, чешуя позолоченная. Дал знак сопровождающим, остановились всадники. Сам к воину подъехал, снял островерхий шлем с личиной. Лицо правильное, скулы ввалившиеся. Был бы он красив, коли не шрам, ото лба до подбородка тянувшийся. Оскал как у волчары битого. Улыбнулся вроде, а чувство, что рычит и скалится.

Попробовал Святослав второму в лицо заглянуть, да не получается. Не может сдвинуться он со своего места, чужими глазами из леса за происходящим смотрит, но глаза эти зоркие и в темноте видят остро.

Всадник спешил. Невежливо с коня разговор вести. На земле ему неудобно стало. Сразу уменьшился как-то, скукожился.

– Много ли воинов с тобой придет, Кияк?

– Не много, друг мой, как и договаривались, – ответил степняк. – Ты мне лучше вот что скажи, когда дань в крепость свезут? И когда мальчика мне ждать?

– Дань уже свезли, да только не взять тебе крепость. Воинов там много, из Переяславля вои прибыли, вместе с княжичем малым. И стены слишком крепкие. Побьют вас.

Степняк снова оскалился, погладил коня по морде. Животное фыркнуло. Мол, побьют нас, жди больше.

– Тогда все по старому плану пойдет. Княжича возьмем, а ты уж позаботься, чтоб боярин, как надо отреагировал. Справишься?

Воин подбоченился, ох и высок же он, настоящий великан. Волосы в косы заплетены, светлые.

– Ты сам княжича не проворонь. Стражу я свою у ворот поставлю, если тихо все сделаешь, никто мешать не будет.

– Так, может, ночью на крепость налететь, ты ворота откроешь, мы и войдем?

Воин усмехнулся. Жадный степняк, жить ему надоело.

– Как войдешь, так и выйдешь. В крепости пять сотен гриди князей. Давно тебя мы не били. Забыл, что такое варяжская сталь.

– Как скажешь, тебе виднее, – половец пожал плечами, ухмыльнулся: – Ты с русами за одним столом сидишь, ты братину с ними пьешь. Не жаль братьев?

Святослав не видел, но воин аж посерел.

– Не братья они мне! Молчи, степняк, коли жизнь дорога.

Половец попятился, развел руками, снова ухмыльнулся.

– Дело твое, рус. Жизнь мне моя дорога, потому замолчу сейчас, но честь мне дороже. Коли в степи встретимся, узнаешь, как воина степи затыкать.

– Пусть так и будет. Княжича сегодня ночью стереги, с малой стражей будет. Легко возьмете.

Половец запрыгнул на коня, махнул своим спутникам рукой и помчался в степь. Не о чем им больше говорить. Теперь пусть оружие свое слово скажет.

А потом снова образы сменились, закрутилось все. Тошнота наваливалась, круги в глазах яркие, проснулся от одури. Вырвало обильно на траву, поднял голову. Ночь и степь кругом, трава мокрая, высокая. Сунул руки в росу, утер лицо. И как я тут оказался? Я ж в яме сидел! Святослав встал, снова огляделся. Вдали, кажется, речка, овражек малый, с небольшой березовой рощицей. Чуть в стороне холм, а на нем каменная глыба, и вид у нее странный. На что угодно можно поспорить, что поставили ее там люди. Может, портал домой? Святослав рванул со всех ног к холму. Весь промок до нитки да еще руки ободрал. Трава в степи чуть ли не по грудь растет, скользкая. На холм как на крепостной вал вскарабкался. Поскользнулся, упал под самым камнем. Поднял голову... Идол огромный, в три человеческих роста, грозный лик взирает на чужака. Ох, и страшен древний бог. Святослав уже намеревался встать, как послышался топот копыт. Упал снова, прижался к земле. На холм въехал десяток всадников, а всю окрестность залили сотни половцев. В том, что это половцы, Романов не сомневался. Насмотрелся уже на их злодеяния. Всадник, залитый в сталь, соскочил с коня. К его ногам бросили два кулька. Связанные люди, точно. Тела зашевелились. Половец поставил пленника на колени, сдернул повязку. Даниил! Боярыч, сволочь. Так тебе и надо, гад. Не все мне получать. Но радовался Святослав не долго, половец поднял второго пленника, и Романов увидел Аленку. Девочка простонала, больно малышке. Черт! Святослав сжал зубы. Ну почему я всего лишь маленький мальчик?

– Не бойся меня, княжич, я хан Кияк. Мы, считай, родственники по женской линии.

– Я не боюсь тебя! Не родственник ты мне, а предатель, – выкрикнул Даниил. – Ты сдохнешь, степная собака. Мой отец зарежет тебя как свинью.

Половец рассмеялся, потрепал мальчика по голове, раскидав волосы. Боярич отдернул голову, попытался укунить, не получилось.

– Я предоставлю ему такую возможность. Скоро. А ты храбр, маленький русич. На Востоке любят маленьких храбрых мальчиков. Продам тебя в гарем султану.

Глаза Даниила расширились от ужаса.

– Мой отец за меня заплатит, очень много.

Половец оскалился, обнажив багровый шрам.

– Ты плохо знаешь своего отца. Он ни за что не будет платить. Варяги не платят, они забирают все силой.

– Пока ты говоришь, он уже скачет за тобой по следу. Он найдет тебя и отомстит тебе за меня.

Глаза степняка полыхнули недобрыми огоньками. Сотни всадников, заполнивших луг, громко переговаривались, создавая невообразимый гул. Степь дышала.

– Твой отец убил моего отца. Я рад буду с ним встретиться и даже надеюсь на это. Осмотришь, молодой воин. Тебе не кажется, что это хорошее место для засады. Всеволод думает, что перехитрит меня, но я умнее.

«Как Всеволод? Кияк что, думает, что пленил князя Ярослава?» – подумал Святослав.

Даниил обернулся. И, правда, в овраге можно спрятать немало воинов и за холмом тоже. С идола вся округа видна как на ладони. Побьют ведь наших.

– Зачем тебе это? Ради мести?

– И ради нее тоже. Но месть не главное. Пока твой отец будет искать тебя с боярином, мои воины пожгут детинец. Золото, вот что важнее всего на свете.

В носу у Святослава засвербело. А-а-пщи! Романов громко чихнул. Все – конец! Он вскочил с земли и со всех ног побежал к рожице. Укрыться в реке, скорее. Кто-то засвистел, вскинул лук. Не успел хан отдать приказ. Ушла стрела, сбила мальчика с ног, завязла глубоко под лопаткой. Как больно, в глазах все померкло. Наступила тьма.

Святослав открыл глаза. Пот по лицу течет рекой. Растерзанные тела, бабы с детишками замученные, деревня, горящая перед глазами. Аленка на коленях перед идолом и стрела в лопатке. Ощупал быстро спину. Нет стрелы, только синяк большой. Больно-то как. Ну, за что мне все это?! Я с ума схожу...

Глава восьмая. Первая битва

Уснуть Святослав так и не смог. Просидел всю ночь в яме. К утру стало совсем холодно, стенки отсырели. Да и по нужде очень хотелось. Из возраста, когда люди ходят под себя, Святослав давно вышел. Так, что суда он ждал с нетерпением. Но солнце взошло, петухи пропели, а за ним никто так и не пришел. А потом наверху началась непонятная суэта. Люди сновали туда-сюда, кричали друг на друга, а потом все стихло. Деревня как будто вымерла. Святослав сидел в яме, понунив голову. И что могло случиться?

Наверху послышались шаги. Идет кто-то. Неужели вспомнили об узнике? Нет, это всего лишь Ждан. Парень встал на краю ямы. Взгляд злой, в руке камень. Ох, с недобрыми намерениями он сюда явился. Святослав встал с земли, помахал гостью рукой, улыбнулся приветливо.

– Навестить меня пришел, соскучился?

Сын кузнеца совсем посерел лицом. Злой как черт. Сейчас точно кинет.

– Да чего случилось-то? Скажи, в чем я виноват перед тобой, прежде чем убить.

– Аленка из-за тебя погибла. Ты ее убил!

Святослав так и застыл с открытым ртом. Как мертва?! Кто убил? Романов замотал головой, не веря своим ушам.

– Ты врешь! Она ночью ко мне приходила, жива она.

– Она к боярину из-за тебя ночью пошла, а там степняки караулили. Воинов побили и боярича с Аленкой в степь уволокли.

Сон! Степняк в броне у идола и Аленка с Даниилом на коленях. Вещий? Не может этого быть.

– Не врешь?

Ждан выпустил из рук камень. Сел на край ямы, с трудом сдерживаясь, чтобы не заплакать.

А Святослав задумался. Прокручивал в голове картинки сна. Что же делать? Спасать ребят! Там же засада и на деревню скоро нападут.

– Ждан, скорее тащи лесенку, спасать наших надо.

Парень опустил глаза на Романова. Посмотрел недоверчиво, но с надеждой.

– Что степняк забрал, то уже не вернуть. Пустое это все.

– Боярин в погоню отправился?

– Ну да. Боярича-то он, может, и спасет, а вот Аленка сгинет.

– Ты не бубни, а делай что говорю. Лестницу сюда, живо!

Внутри Ждана что-то дрогнуло. Одурь спала, вскочил с места и побежал за лестницей. Даже мысли в голове не было послушаться. Откинул решетку, сунул лестницу вниз. Святослав выбрался наружу, отряхнулся, размял ноги.

– Слушай меня внимательно. Мне нужен конь, оседланный, и лук со стрелами. Когда меня схватили, со мной лук был, сейчас не знаю, где он. Добудешь?

Парень кивнул головой и дернулся бежать, но Святослав успел ухватить его за рубаху.

– Стой, я не договорил. В крепости кто-нибудь остался?

– Да, за старшего воевода Скулди, норманн.

В памяти сразу же всплыла фигура великана, говорившего во сне с половцем. Предатель! Вдруг он?

– А далеко ли еще вои русские? Подмогу откуда позвать можно?

Ждан задумался. Видимо, в местности он разбирался неплохо.

– Полдня пути, застава богатырская, вои княжьи.

Княжьи – это хорошо. Для князя вся земля переяславская его. Был бы боярин какой, мог бы не прийти на помощь.

– Тогда пошли туда кого-нибудь. Вон, Емельку соседского, друга твоего. Измажь его землей, кровью попачкай. Пусть скачет к богатырям, помощи просит, скажет, что половцы на детинец напали.

Глаза Ждана округлились от удивления.

– Так ведь не напали же. За такое знаешь, что будет?

– Налетят, будь уверен. Долго они себя ждать не заставят, лишь бы подмога успела. Как думаешь, придут?

Ждан ухмыльнулся. Эко все закрутилось.

– А куда они денутся. У нас же в гостях сам князь переяславский был, Ярослав Всеволодович, а его вороги вчера похитили. Если с ним что случится, всем головы не сносить.

– Хорошо. Тогда пусть скачет. Найди лук и коней, со мной пойдешь, дорогу покажешь.

– Куда? – удивился Ждан.

– Видел я идола в степи языческого, он на холме стоял, река рядом текла и рошица малая. Знаешь где?

Ждан расплылся в улыбке. Разве ж может он что-то не знать? Это же его земля.

– Ну, а как же! Дневной переход всего.

«А как же я их ночью сегодня видел? Не могли они так быстро туда добраться. А вдруг просто сон? Буду выглядеть полным дураком, да еще побег из-под ареста припишут, ладно. Авось повезет».

– Тогда возьми еще по паре заводных лошадей, нам быстрее боярина туда добраться нужно. Я подожду тебя на подворье, давай скорее.

Ждан побежал в одну сторону, а Святослав – в другую. Всю дорогу думал о том, что с ним теперь будет. Может, бежать куда подальше. Родня вроде в Киеве, там же хазары есть. А я хазарин, может, не оставят родича в беде. Святослав помотал головой, как пес, отогнал дурные мысли. Нет, теперь я другой человек. Я больше не трус! Я готов принять свою судьбу. И Аленку я не брошу.

Вбежал во двор, громко хлопнув калиткой. Тихо на подворье. За заборчиком важно топчутся гуси, свинья роется в свежей куче навоза. Родной дом. Святослав даже удивился таким мыслям. Подошел к лохани с водой. Морда в запекшейся крови, как черт ведь. Снял потрепанную рубаху, умылся. Сразу похорошело. Из кузни вышел дядька Никифор, в кожаном переднике, голову обруч обрамляет. В руках клещи и раскаленный прут железа. Посмотрел зорко, сдвинул брови.

– Сбежал?

Святослав пожал бесшабашно плечами.

– Ну, раз меня никто не выпускал, можно и так сказать. Сбежал...

– Куда направишься? Далеко?

А он ведь решил, что я удрать собрался, и не мешает. Деревне тогда за меня головное платить придется. Приятно, что тебя не торопят сдать в руки правосудия.

– Аленку спасти пойду и боярина – тоже. Его засада в степи ждет.

Кузнец кивнул, развернулся, подошел к бочке и опустил туда прут. Зашипело железо.

– Привиделось что?

– Да, – не стал отнекиваться Святослав. Это в том мире, если бы он кому рассказал, что ему сны вещие снятся, никто бы не поверил. А здесь ко снам и предвидению серьезно относятся.

– А спасать как будешь? Знаешь? Маловат ты для подмоги, толку мало от тебя будет.

– Пока не знаю, но придумаю. И ты спасайся, бери Пелагею с детишками и в лес уводи. Степняки скоро на деревню налетят.

Кузнец высунул прут из бочки, осмотрел, – еще поработать с ним надо, – в кузню вошел. Молот взял, тукнул раз-другой. У Романова даже в ушах зазвенело. Потом положил заготовку

с инструментами на стол, а сам в хату направился. Ни слова больше не сказал. Станный человек.

Святослав забежал в сарай, надел рубаху чистую, штаны новые, обернулся. Кузнец в дверях стоит, в руках сверток. Подошел к лавке, развернул тряпье. А там меч лежит, норманнский, в черных кожаных ножнах и с поясом боевым. Рукоять рифленая под пальцы, яблоко украшено резьбой, крестовина короткая, с рунами. Красивая штука.

– Вот, возьми. Спаси Аленку, век тебе благодарен буду, – кузнец протянул меч Романову.

Парень отодвинул подарок. «Ну, зачем он мне. Пользоваться я им все равно не умею, а если бы и умел, все равно толку от меня ноль. Мне лет двенадцать всего, не больше. Да любой половец меня на куски порубит».

– Слишком дорогой подарок, не могу принять. Да и пользоваться им я не умею.

– Глупости говоришь, – насупился Никифор, – меч тебе не для того, чтобы ты махал им, а чтобы глянул на тебя любой и понял, что ты воин, а не холоп безродный. Бери, не возьмешь, обидишь меня.

– Ну, а как же Ждан, это же его меч должен быть?

Кузнец сунул Святославу меч и развернулся.

– Ему меч ни к чему, он кузнецом станет. А из тебя кузнец не выйдет. Тебе меч нужнее.

Святослав принял меч, надел пояс, пристегнул ножны. Приятно мужчине оружие держать. Сразу как-то увереннее себя чувствуешь. Вышел из сарая, там Ждан уже с лошадьми ждет. Подошел к парню, обнял. Все, теперь в путь. Пристегнул колчан к поясу, уперся коленом в лук, натянул тетиву. Получилось, закинул за спину. А у него, оказывается, это в крови, как будто каждый день тетиву набрасывал. Взобрался на коня, неуклюже получилось, но стоило ему дать шенкеля, как чутье обострилось. Понесся на вороном, ноги сжались, спина выгнулась. Никому его теперь не догнать. Вот, что значит сын степи в надцатом поколении. Тело все само помнит. Ждан заводных взял и следом помчался.

Красиво все начиналось, как в былинах. Помчался богатырь русский спасать Аленку Красу, конь верный, меч добрый и лук тугой. Да вот в жизни все не так красиво. И богатырь совсем щупленький, и конь вовсе не конь, а кобыла крестьянская. В общем, скакали они до заката, время от времени меняя лошадей. Ехали, само собой, никого не опасаясь. Ну, кого можно встретить на пути, если здесь прошел отряд русов? Даже не подумали, что русов и можно встретить.

Святослав скакал первым, зад за шесть часов пути уже изрядно отбил. Может, его организм и умел двигаться в такт коню, но вот пятая точка от этого крепче не стала. Хотя, может, она и была крепче, потому что на Ждана вообще было больно смотреть. На коне парень сидел как собака на заборе, а еще с лошадью обращаться научить обещал, тот еще учитель. Его подбрасывало то влево, то вправо, так что, когда из травы возник бронный воин, парня даже не понадобилось выбивать из седла. Конь испугался, встал на дыбы, и Ждан сам выпал. А вот со Святославом этот номер не прошел. Его кобыла тоже испугалась, но, в отличие от сына кузнеца, Романов был сыном степи в надцатом поколении, по крайней мере биологически. Сжал бока кобылы, привстал в стремях и вжался в шею лошади. Животное испугалось, замолотило копытами по врагу. Тот увернулся, но с дороги ему пришлось уйти. Святослав всадил пятки в коня. Рванул со всей прытью, на которую был способен. Но не успел, свистнула петля, дернула за плечи – и все. Весь дух одним ударом вышибло. Так об землю приложился, что забыл, кто он и где находится. Только связанным уже в себя пришел. Вокруг были русы. Все в бронях, красивые, высокие. Костер жгли, а в нем наконечник копья, докрасна нагретый. Меня пытать? Они шутят! Только не со мной, с кем угодно, но только не со мной. Наверное, так думает каждый, пока ему не прилетит.

Огромный русич, в двойной броне, подошел к Святославу. Чешуйки через раз в позолоте, богатый воин. Меч на поясе, секира в петлице. Знакомая, кажется, секира...

– Кто ты, чужак? Зачем за князем увязался?

Святослав посмотрел по сторонам, много воинов. Ждут, пока допрос закончится.

– Говорить буду только с боярином, у меня весть к нему, личная.

Великан сжал пальцы в замок, хрустнул костяшками. Жест весьма характерный, но это лучше, чем каленое железо.

– Я ведь пока по-хорошему спрашиваю, из уважения к предкам твоим. Будешь дальше отпираться, железом спрошу.

Святослав глянул на красный клинок. Страшно-то как. Рванул, затрещали веревки, зарычал, чуть снова в беспамятство не впал. Воин треснул Романова ладонью, отошло.

– Волчонок! – удивился здоровяк.

Повернул Святослава на бок, посмотрел на татуировку. А потом вытащил нож. Ну все, сейчас резать будет. А нет, веревки вскрыл. Романов уставился на великана ничего не понимающим взглядом.

– Бабка твоя сестрой моего отца была, Элда-воительница. Тесен мир, маленький хазарин. Как папка поживает? Братья с сестрами?

Сказать, что Святослав был удивлен, ничего не сказать.

– Не помню я ничего, головой ударился, память отшибло.

Великан покачал головой.

– Плохо предков не знать. Отца твоего, кажется, Игорем звали. Больше в степи хазарина с таким именем не встретишь.

Та-ак, а не разводят ли меня. Может, врет что родственник?

– Мне к боярину срочно нужно!

– А захочет ли он с тобой говорить? Боярин половцев гонит, у него и без тебя забот полно. Мне скажи, что хотел, я передам. Я ж родич твой.

Ох, и лицо-то какое сделал. Ну, прям плюшевый мишка.

– Прости, я тебя не знаю, приказали лично боярину. Кем я буду, если слово нарушу? Не пристало воину слово нарушать.

Здоровяк аж крикнул. Улыбнулся, вроде по-доброму, но с угрозой.

– А кто приказал? Это-то ты можешь сказать? Сам пойми, чужой мальчонка, оружный, в дикой степи, с боярином встречи ищет. Не могу я так просто тебя к нему пустить. А вдруг мести ищешь.

Святослав встал с земли, размял руки. «Мы ж родичи, нечего мне на него с земли смотреть. Я и так маленький, чтобы голову задирать. А прокололся мужик, ну какой же я чужой, раз родня. В этом мире даже дальняя родня – все равно свои».

– Ну, почему не сказать, родичу скажу. Из заставы я богатырской. Воевода меня к боярину послал, с важным донесением. Но тебе по секрету кое-что расскажу. Войско из Переяславля большое идет... Побьют половцев с предателями.

На здоровяка было страшно смотреть. Его мозг не мог обработать такое количество вранья.

– Каких предателей? Какое войско? – напрягся великан.

Святослав пожал плечами.

– Ну, что за предатели, я не ведаю, но мой воевода все от половца узнал, перебежчика от хана Кияка. Вроде так его зовут. Из заставы воины уже в детинце, добро боярина берегут. Воевода Скулди их хорошо принял. Так что провалился план басурман. Перебежчик от Кияка сказал, что половцев на детинец предатель нурманн навел. А уж кто конкретно, мне не сказали. Я ведь человек маленький.

Здоровяк болтливого мальчика больше не слушал. Половец перебежчик, воины из сторожки, рать из Переяславля... Имя хана никто не знал, похоже, правду мальчонка говорит. Ох, не так, как надо, все поворачивается, ох не так.

А Святослав тем временем огляделся. Вокруг два десятка воев, на него внимания не обращают, раз развязали, значит свой. Вот и Ждан в сторонке, сидит в траве, связанный. Вот лук с поясом. Что же делать? К боярину меня вести явно не собираются. Святослав подошел к своему поясу, вытащил нож. Воин рядом скопил на парня глаза и снова отвернулся. Нож – это не оружие. Так, мясо постругать. Романов подошел к Ждану и взрезал путы. Шепнул тому на ухо: «Как крикну “половцы”, на коня прыгай и скачи куда глаза глядят, не оборачивайся». Отошел, закинул лук за спину, колчан на пояс повесил. Воевода обернулся к нему. Посмотрел недоверчиво.

– А ты часом не врешь мне? Что-то верится в твои слова с трудом.

Святослав осенил себя крестным знаменем.

– Ей-богу не вру! Да как можно воину до такого дела поганого опускаться. Я и так тебе лишнего сболтнул. Мне к князю или к боярину надо. Отведешь?

Воин посмотрел на Святослава внимательно так и криво ухмыльнулся.

– Врешь! Соколик, а ну возьми его да поспрошай хорошенько. Не договаривает гость наш, ох не договаривает.

Глаза Соколика, белобрысого парня лет двадцати, округлились от растерянности. Да как же можно родича пытаться?!

– Сигурд, так он же родич твой? Родича... железом?

Воевода сморщился как от зубной боли.

– Да не родич он мне. Скулди-дан его родич, а я свей.

И тут Святослав закричал: «Половцы!» Воевода Сигурд залился смехом. Чего только ни придумает чужак, чтобы избежать пыток. Но тут закричал и Соколик: «Кипчаки!» Сигурд стремительно развернулся, скидывая со спины щит. Ах, ты недобрая... Десятков пять степняков вынырнуло из-за холма. Ждан, выполняя приказ Святослава, вскочил на коня, всадил ему пятки в бока и помчался в степь. Воин в шлеме-полумаске вскинул лук, набросил стрелу, но выстрелить не успел. Святослав разбежался и взрезал ему плечом под колено. Воин не упал, но равновесие потерял и стрелу выронил. Половцы уже заметили отряд русов, засвистели, заулюлюкали и помчались с холма навстречу. Это только Романова и спасло. Воины вскочили со своих мест, быстро запрыгнули на коней. О пленнике все сразу позабыли. Он отскочил от воина в полумаске, тот попытался схватить парня, но не тут-то было. Святослав полоснул его крест-накрест ножом. Дважды в руку попал. Воин отдернул искалеченную длань, взревел яростно, но тут полетели стрелы. Здоровяк стоял удачно, невольно прикрыл мальчика от стрел, а вот сам несколько поймал. Одна в затылок вошла и из горла вышла. Малоприятное зрелище. Еще одного руса к стволу березы пришилило, сразу три гостинца в него угодило. Святослав упал на землю, пополз к лошади, пытаясь прикрыться стволом дерева. Стрела со свистом вонзилась в землю перед ним, оцарапав щеку. Он прижался к земле и быстрым броском вскочил на коня, хлестнул ладошкой по крупу и помчался в степь. Назад он не оглядывался, прижавшись к гриве коня. Вслед летели стрелы. Одна ударила в седло, но на излете, кожу не пробил.

Так он мчался до самой реки, где на взгорке решил осмотреться. Его никто не преследовал. Ну, и правильно, зачем степнякам мальчишка, если есть десяток русов. Вот только Ждана теперь где искать? Непонятно. Как бы не пропал парень! Хотя он-то точно не пропадет, он здесь вырос, а вот Святославу куда теперь ехать? Так, впереди река, где идол стоял, тоже река была, и Ждан сказал, что до места всего дневной переход. А время вечер, значит, рядом совсем уже! А могут ли две реки в одном месте быть? Теоретически, конечно, могут, но почему-то кажется, что это именно та. Парень развернул коня и пустил его рысью вдоль реки. Скакать пришлось не долго, часа три от силы, на высоком холме в лучах заходящего солнца показался идол.

Все поле было утоптанно копытами лошадей. Ошибки быть не может, то это место. Вон и рощица у реки, малый холм в сторонке, идол страшный. На холме никого нет, наверное, в овраге спрятались. Полдела сделано, но как Аленку спасти, как боярина предупредить? А

вдруг побили наших уже? Сходить да проверить, есть ли кто в овраге? Как назло, поле ровное, и вдоль реки не подберешься, берега открытые. Святослав заглянул в седельные сумы. Огниво лежит. Такой штукой он уже научился пользоваться. Здесь каждый малец огонь добыть может. Вот бы траву поджечь, степной пожар страшен. Мигом бы половцев спугнул, но вот беда. Трава сырая, не получится ничего. А небо все чернеет, солнце уж и за горизонтом скрылось. Пока думал, что делать, не заметил, как быстро время пролетело. Тьма наступила такая, что глаз выколи – ничего не разглядишь. А ведь наши должны быть где-то рядом. Сейчас напорются на засаду в темноте, и побьют наших поганые степняки. Тут Святослав обратил внимание на кочку, заросшую прошлогодней травой. И вспомнилось ему, как они дымовухи устраивали с парнями в деревне. Такая трава и горит хорошо, и дыма от нее много. Если на стрелу намотать и поджечь, да в небо пустить, то далеко видно будет. Может, разглядят наши и насторожатся. Романов спрыгнул с коня, нарвал с кочки сухой травы, намотал на стрелу. Была не была. Дважды нам не помирать, а одного не миновать.

Святослав послал коня к оврагу, перешел в галоп. Тут уж не до маскировки. Кому надо, тот услышит. Ударил огнивом, выбил искру на солому, задымилось. Лук со стрелой в правую руку, левой в поводья вцепился. Наплывающий от скачки ветер еще сильнее разжег стрелу. Вжик! Святослав машинально нырнул под брюхо коню. Хорошо его тело учили. Стрела мимо прошла, со стороны показалось, что упал всадник. Промчался мимо оврага. Ох, ты, блин, да их же там сотни! Развернул коня, помчался к холму, пустил горящую стрелу в небо. Горящий факел пролетел над лугом, как звезда, падающая с небес. Белая рубаха Святослава, как красная тряпка для быка, помаячила у половцев перед глазами. Кипчаки взревели, подняли коней с колен, рванули из оврага. Сотни всадников стрелой пустились за подростком.

Молодой воин лежал на холме под идолом, с ног до головы в железе. Шлем с маковкой, граненый, личина поднята. Рядом еще вои, те высокие, крепкие, старшая гридь. Воин в алом корзно подполз к молодому воину.

– Видишь степняков?

– Не-а, никого не вижу, следов хоть отбавляй, а степняков нет.

– Как думаешь, ушли или нас караулят?

Молодой воин помолчал, сдвинул брови, подражая отцу.

– Ждут, нарочно нас заманивали. Может, за малым холмом спрятались?

Боярин в корзно улыбнулся.

– Правильно мыслишь, но не только за холмом. Основная масса в овраге сидит, нас караулит. Что бы ты сделал, чтоб половцев побить?

Сердце княжича забилося сильнее. Да что тут думать, по коням, меч наголо, ветер в лицо, смерть степнякам!

– Ударим?! – почти моля, воскликнул молодой воин.

Боярин посмотрел в поле. Увидел всадника на коне. Конек не степной, кобыла крестьянская, а всадник в рубахе белой к оврагу скачет. Что еще за привидение. Половец? Нет, стрелу в него пустили. Всадник нырнул под коня, ушел из-под огня, умело так. Проскакал мимо рощицы, развернулся, на холм поскакал. Подросток, точно, мальчонка совсем. Взметнулся горящий факел в небо. Сигнал? Для кого? Из оврага вылетели степняки, сотнями повалили. Лавина черных всадников помчалась за пацаненком. С ума, что ли, поганые посходили? Ну вот теперь ударим!

– В клещи ворогов возьмем. Илья, обойди холм слева и ударь со стороны реки по оврагу, там Данилка должен быть. Как отобьешь его, сразу назад. Ярослав, обойди холм справа и ударь во фланг. Правый фланг сам хан стережет. Так его живым брать надо. Изимир, ударь по этим, что за парнем гонятся, их не сложно побить будет, совсем одурели половцы.

Воины кивнули своему предводителю и сползли вниз по холму, быстро вскакивая по коням. Тронулись, помчались закованные в броню гридни, сотни три. Топот копыт коней русов заглушили шесть сотен половецких. Кипчаки не успели сообразить, что гонятся всего за одним мальцом. Испугались, что их заметили, что впереди засада. Задние ряды думали, что на воеводу русов летят, а передние гнались за белой тенью, подгоняемые собратьями. Степные кони быстрые, а стрелы острые. Начали нагонять беглеца, обогнули холм, взяв левее, там где-то свои спрячутся – бояться нечего. Степняк, облаченный в кольчугу, в остроконечном шеломе как у русов, взялся за лук, пустил стрелу. Беглец нагнулся, хороший всадник, а потом на полном скаку развернулся и пустил стрелу через плечо в ответ. Первую, вторую, третью, одна за другой ушли. Степняк из первого ряда выпал из седла, три стрелы разом поймал. Еще один на шею лошади повалился, стрела в лоб ударила. В темноте смерть не видно, только почувствовать можно. Степняк снова вскинул лук, пустил пучок стрел в беглеца, попал. Конь всадника оступися, белая рубаха перелетела через голову кобылы, ударилась о землю. Правда, наездник сгруппироваться успел, правильно упал. Все, поймали! Тут из-за холма взревел рог, посыпались с неба стрелы. Только шлепки слышно, самой смерти не видно. Один за другим полетели степняки с коней. А бронебойные жала все сыпались и сыпались на ряды кипчаков, потом снова дунул рог. Из-за идола показалась кованая рать. Помчались тяжелые всадники, ударили во фланг степнякам. Сшиблись, смяли, погнали назад. Для легкой конницы столкнуться в открытом поле с тяжелой – смерть. Не дождался степняки подмоги, не выскочили родичи из засады. Там их тоже уже били. Умень боярин Путята, обдурил басурман. И в овраге уже всю сеча кипела. Князь Ярослав окружил лошину воями, ударил со всех сторон, чтоб вороги не ускользнули.

Хан Кияк вскочил на коня, метнул стрелу не глядя, попал в руса. Пленных брать уже некогда. И откуда появился этот призрак? Все испортил! Остановить своих хан не смог, как будто с ума все походили, но и с ними в погоню не помчался. Остался в овраге. Коли побьют русов, хорошо, ну а не смогут, всегда можно удрать. Но тут отовсюду посыпались русы. Кияк направил своего коня вдоль оврага. Родня хана увязались за ним. Еще рус выскочил, и снова хан стрелу метнул. Лук мощный, пробил щит и доспех воина. Хан выхватил саблю, мах крестнакрест вышиб струю крови из горла подвернувшего под руку противника. Сбил еще одного врага, просек третьего. Все – свобода, вырвался из капкана, помчался в степь, не жалея сил. Обдурили русы. Норманн – предатель, за все ответит!

По лицу потекло что-то мокрое, холодное. Святослав открыл глаза, взгляд расплывается, все какое-то мутное. Небо черное, звезды. Вокруг шум сотен голосов. Первым Святослав увидел Даниила, тот стоял в одной рубахе, нахохлившись. Рядом вой крепкий, Илья Никитич, пестун боярский, боярин Путята, еще один молодой воин. Святослав попытался встать, не получилось. Только сесть смог. Голова кружится. Да-а, если так часто головой биться, совсем без мозгов останешься.

– Вовремя вы. Я уж с жизнью распрощался. – Святослав слабо улыбнулся. – А Аленка где?

– Тут твоя Аленка, – буркнул Даниил, – с ней ни один степняк не справится. Молодой воин в доспехе рассмеялся. Да, девка горячая будет, когда вырастет.

– Как тебя зовут? – спросил молодой воин в драгоценных доспехах.

– Святослав, – ответил Романов и, поднатужившись, поднялся с земли.

– Ты настоящий храбрец! Степняков выманил, под удар подставил. Побольше бы таких молодцев.

– Он дурак, а не храбрец! Жить ему надоело. Ты чего тут делаешь? Почему не в яме? Я тебя где оставил? – громыхал боярин.

Святослав бесшабашно улыбнулся.

– Так я вам помочь торопился. Ведь помог же?

Боярин махнул рукой. Мол, что с Ивана-дурака взять. Тут из-за спины Даниила вышел Ждан. Улыбнулся другу. Живой!

– А ты как здесь? – воскликнул Романов.

– Так я сразу, как от погони ушел, сюда направился, ты, видимо, по реке шел, а я через степь, так быстрее. Успел боярина предупредить, да только он и сам все знал.

Во как! Развели степняков, как лохов.

– И о тех, что на детинец ополчиться собираются, тоже знаете? – удивился Святослав.

– Ну, а как же. Сигурд по моему приказу с ворогами в сговор вошел, сказал, что дань в детинце и княжич Ярослав с малой охраной приехал. Да и Данилка все как надо сделал, Ярославом притворился. Кияк давно на меня и Всеволода зубы точит, жаль – ушел, но получил крепко. Почти всю его орду вырезали, – похвалился Путята.

Вперед, из-за спины Путяты, вышел все тот же веселый молодой воин, в двойной броне, в шеломе с личиной и золоченой вставкой на лбу Георгия Победоносца.

– Давай ко мне в младшую дружину? У меня такие пестуны, сделают из тебя настоящего воина, мне храбрецы нужны.

Святослав не сразу сообразил, кто стоит перед ним. На вид еще один боярыч, очередной «новый русский». Да только поведение Путяты говорило о другом. Несмотря на свое старшинство и опыт, Путята демонстрировал пацану уважение и готовность исполнять приказы последнего, если, конечно, он не посчитает их чрезмерно глупыми. Получается – князь?!

Святослав даже смутился. Во как! В дружину к князю. Хотя нет, я ж под судом. Есть идея получше.

– Прости, князь, не могу. Мне боярин Путята уже в свою дружину предложил, я ему слово дал. Так ведь, светлейший боярин?

Боярин раздвинул брови, улыбнулся.

– Ну, щегол, ну хитер, парнишка. Конечно, беру, мне таких дубов побольше надо, сколько тебя по голове ни бьют – всё ничего. Хоть на место тарана ставь и в ворота бей.

Воины громко рассмеялись. Путята хлопнул Святослава по плечу.

– Ну, тогда будь мне другом, – князь протянул Святославу руку.

Любил князь храбрецов. Малец всего его года на три младше, но видно, что далеко пойдет. Скрепили знакомство рукопожатием.

– А ну разойдитесь, обступили тут!

Аленка протиснулась через воев. После плена у степняков совсем расхрабрилась. Старшим грубит. В руках у девчонки мокрая тряпка, трава какая-то. Подошла, темно кругом, а глазки блестят, радуется. Пришел родимый, за ней пришел, не бросил.

– Ты что, дурелом, зачем о землю головой бьешься. Голова для того, чтобы думать, а ты что ей делаешь. А ну садись, живо. Компресс тебе ставить буду, – последние слова прозвучали как-то зловеще.

Воины дружно рассмеялись и начали расходиться. Боярин с князем пошел к реке, остались только Ждан с Аленкой. Ну вот и все. Первый бой, первая смерть. Пару степняков я точно выбил. Жаль мне их? Да не капельки! Что они с нашими творили, всех их на куски рвать.

Компресс все-таки наложили. Жгло от него так, что уши вяли. Аленка ходила кругами, как будто не она в плену была, а Святослав. Мелочь, а приятно, когда о тебе так заботятся. Ждан сидел рядом, рассказывал, как наши половцев побили. Он-то с холма все видел, это Святослав всю сечу в траве пролежал. Потом Ярослав подошел, снова хвалил, в гости пригласил. Романову он понравился, за таким можно пойти. А потом Святослав вспомнил сон, спустился с холма, прошел полянку, трупы половецкие кругом, трава кровью пропитана. У холма в траве белая рубаха виднеется, человек лежит, точно не половец. Святослав подошел к нему. Точно,

тот мальчонка, славянин, и стрела черная под лопаткой. Лежит ничком на земле, руки раскинул. Спасибо тебе, мальчик, помог...

Кияк смотрел на лагерь русичей. Много сегодня он потерял воинов зазря. В том, что атака на крепость провалилась, он не сомневался. Пусть русичи пируют, пусть расслабятся. Забудут об опасности, станут беспечны. Вот тогда и ударю. Придет время – и со мной придут не только храбрые воины кирконы, но и вся приволжская орда. Русичи за все поплатятся...

Глава девятая. Судилице

Атаку на детинец отбили с трудом, не зря Святослав направил за помощью Емельку. Если бы из заставы воины не подоспели, может быть, и не отбились бы. Все ж половцы – это не печенеги. Печенеги крепости совсем брать не умели, а кипчаки в этом деле были немалые мастера. Многих русов побили. Большая часть половцев в степь ушла, сотни три, остальные под стенами полегли. Воеводу Скулди стрелой в ногу ранили. Норманн хромал, но собой был доволен, два десятка ворогов секирой изрубил. Святослава он принял как дорогого родственника. Порадовался встрече с племянником. Даже чуть из-за Святослава с Сигурдом не схватился. Сvei и даны друг друга не просто недолюбливали, а ненавидели. Шведы сейчас с датчанами вовсю резались. Не спокойно в северных королевствах. А меж ними еще вялотекущая кровная вражда. Только Путята и смог разнять двух медведей. Скулди рассказал Святославу о его отце, хазарине. Оказалось, что его, как и настоящего отца Романова, тоже звали Игорем. Имя совсем не хазарское, а назвали его так в честь дяди по материнской линии, киевского боярина из нормандского рода. У отца в Константинополе огромное подворье, корабли свои есть. По всей Европе ходят. Скулди с отцом Романова с детства знаком, во многих передрыгах побывали, правда, видел он его в последний раз очень давно, еще до рождения Святослава.

Потом был пир. Отмечали победу над степняками, поминали погибших. Романов уже решил, что о нем забыли и суда не будет, но получилось все иначе. Как известно, римляне говорили: «Dura Lex Sed Lex», что значит «закон суров, но это закон». Убийство – преступление серьезное, и прежде чем вступить в дружину, нужно снять с себя все обвинения. Как сказал Путята, суд будет на рассвете. Вся гридь пила и радовалась победе, совершенно забыв о погибших. Всем же ясно, что им там намного лучше, чем здесь. Каждый на том свете сам себе князь.

Святослав попросил у Скулди, чтобы ему принесли судебник. Законов здесь не так уж и много, вполне можно за ночь изучить и что-нибудь придумать.

Суд начался на рассвете. Вся деревня собралась, каждый кому-то родич. Так что общественное мнение полностью было на стороне обвинения. Но Святослав не расстраивался. За ним стояли закованные в броню гридни во главе с дядей Скулди. У дана под началом целый хирд в четыре десятка голов. Очень приятное чувство, когда за тебя горой вот такие бравые ребята. Соколик на пиру в детинце хотел порубить смердов на куски, что вознамерились судить «нашего» волчонка, но Путята его приструнил, сказав, что все будет по Правде. Правда она ведь такая... Вроде и убил человека, но ведь и убийство можно повернуть по-разному. Смотря под каким углом смотреть. А в том, что угол на суде будет правильным, Святослав не сомневался. На суд пришел в белой рубахе, украшенной вышивкой, браслет серебряный во все запястье, боевой пояс с мечом, сапожки кожаные, плащ синий. Это ему дядя Скулди все подарил. Боярин прибыл последним, вместе с князем Ярославом. Сели на помост, рядом встал стряпчий, в руках Русская правда Ярославичей. Аленка со Жданом и дядькой Никифором в сторонке. Тут ведь какое дело: если против общины пойдешь, потом заклюют. Девчонка на Святослава смотрела горящими глазами. Не был он уже тем непутевым холопом. Настоящий воин, статный, красивый, вон одежды какие славные. И чувствовалось, что ее это воин. Ничей больше, только ее.

Стряпчий ударил копьем о помост. Все замолчали. Огласил обвинение. Как оказалось, убил Святослав одного парня. Остальные остались живы. Но убил как раз старшего, сына кожемяки. А у тех в селе была сильная партия. Сам староста из кожемяк вышел. Видаков кожевники привели видимо-невидимо. А со стороны Святослава никого. Уверены в себе кожемяки. Им всего двух видаков надо, а их тут десятки. Путята поднялся с кресла, обратился к Святославу:

– Святослав Игоревич из рода Исака, чей славный род сотни лет скакал по степи хазарской, как ты хочешь говорить? Как мой холоп али вольный человек?

Романов кивнул боярину, вышел вперед.

– Боярин светлый, великий князь, и вы, люди добрые... – Всем польстил. – Все вы знаете, что привезли меня сюда в веревках. Захватили путника, что просил о помощи. Не по Правде это, а коли не по Правде, значит, и не был я холопом вовсе. Было бы мне проще сказаться холопом боярским, тогда не с меня весь спрос, а с боярина, но невместно мне за спинами людей, что меня приютили, отсиживаться. Сам за все отвечу, коли виноват.

Толпа одобрительно загудела. Понравились слова мальчика.

Боярин провозгласил:

– Так тому и быть! Пусть скажет свое слово обвинение.

И обвинение сказало. Заслушивание слов видаков затянулось часа на три. Одно по одному, чуть в разной интерпретации повторило человек сорок. Половины и не было там никогда вовсе. Все сводилось к одному: когда мальчики учили уму-разуму холопку, что подняла на них руку, выскочил бешеный и ни с того ни с сего кинулся на парней. Ребята пытались защищаться, но чужак боли не чувствовал, бил крепко и грыз всех подряд. Мотыля загрыз вовсе, только и спасло то, что сельчане подоспели. А так бы всех загрыз.

– Отрицаешь ли ты все, что было сказано против тебя? – задал вопрос боярин.

– Нет, не отрицаю. Я убил Мотыля, я побил шестерых воров, что татьбой занимались средь бела дня.

Толпа охнула. Дружинники одобрительно заворчали. Для них парень был молодцом, семерых побил, один из которых был старше его на четыре года. Ему братину давать надо и гривну серебряную на шею навешивать, а не судить. Герой!

– Что ты можешь сказать в свое оправдание?

– Я все сказал!

– Поясни, – нарочито гневным голосом сказал боярин.

– Скажи мне, светлейший боярин, тебе ли принадлежит Алена Никифоровна, твоя ли она холопка?

– Моя, – не стал отрицать Путятя. Это все знали, никого не удивил.

– А, что по Русской Правде полагается за кражу чужой вещи со двора?

Ответил стряпчий:

– По Правде, коли вор застигнут на месте преступления в отчем доме под теплой крышей и миром дело разрешить не желает, так будет он бит до тех пор, пока от своего злого умысла не отречется. А коли смерть он свою сыщет, так то по Правде, и виру за убийство его платить не следует.

Толпа зашумела. Ну, какое же тут воровство?

– Так то в доме отчем, а он в сарае... – выкрикнул кто-то из толпы кожемяк.

– А ну тихо! – взревел стряпчий. – Говорит только тот, кому слово дали.

– Разреши продолжить, светлый боярин? – обратился Святослав.

Боярин кивнул. Благосклонно так.

– Именно воров я и увидел в сарае. Твою вещь боярин украсть хотели, Алену Никифоровну. Скрутили ее вшестером и намеревались похитить. Ну, а как еще это можно понять? Коли хватаешь кого и волочешь куда-то, значит, украсть намереваешься. Больше никак это понять нельзя. Ну, а насчет дома отчего... Алена Никифоровна твое имущество, вся земля, что тебе принадлежит, твой отчий дом. Украсть ее пытались из-под крыши, значит из твоего, отчего, дома. А я всего лишь вступился в защиту твоего имущества, светлейший боярин, как и полагается князьему человеку. Коли не прав я был, накажи.

Кожемяки зашептались. Не нравилось им, как суд обернулся, с боярином ссориться глупо. Можно и без бороды остаться.

– А чем докажешь слова свои. У нас три десятка послухов, а у тебя кто?.. – степенно спросил староста.

– Я подтверждаю. Одним клянусь! – вперед вышел огромный Скулди.

Ох, и грозен был норманн. Все его родичи давно христианство приняли, а он по-прежнему в старых богов веровал. Его боевая секира висела за спиной, напоминая всем окружающим, что язык нужно держать при себе, так как часть этого тела легко отделима.

– Коли не верит кто, Божьего суда требую. Выйдем на перекресток и будем биться.

Свей Сигурд уже намеревался выйти, сказать что-то, но Путята глянул на него так, что тот сразу умолк и с места не двинулся.

– Охотно верим тебе, – промямлил староста.

Ну, еще бы ты не поверил. Ни на какой перекресток идти не пришлось бы. Скулди бы прямо тут из одного целого смерда сделал двух полусмердов. А потом виру бы заплатил, все ж по Правде.

– Кто-то еще что-то хочет сказать?

Толпа молчала. Вроде все правильно. Чужую вещь трогать нельзя: коли из дома потащишь, наказание за это суровое.

– А как же насчет колдовства страшного. Волком он обратился, демон в нем был! – взревела убитая горем мать.

Так, об этом обвинении не подумали. На помощь пришел молодой княжич. Ярослав встал с помоста. Поклонился люду.

– Люди добрые, позвольте мне ответить. Святослав – друг мне, видел я храбрость его. Видел поступки его славные, а видели ли вы хвост у него? Клыки волчьих али, может, шкура на нем была? Отвечай, кожемяка.

Отец убитого парня понурился. Опустил голову, ответил:

– Не было у него шкуры и хвоста не было. Глаза только страшные...

Ярослав улыбнулся, но не по-доброму, зло оскалился. У смерда даже мурашки по спине побежали.

– А мои глаза добрые?!

– Тоже страшные, – буркнул мужик.

– Так то-то! А ну, Святослав, перекрестись. Докажи людям, что сила твоя от Бога данная.

И Святослав осенил себя крестным знаменем. Священник поднес крест, Романов поцеловал распятие. Очистился.

– Вот видите, люди добрые, в Бога сей отрок верует и во имя этой веры за вас всех был готов смертушку лютую принять. Один против тьмы половцев вышел, из засады ворогов выманил, под удар подставил. Только благодаря ему и живы вы до сих пор.

Ярослав обвел всех грозным взглядом и сел на свое место. Толпа громко охнула. Это что ж получается, героя и спасителя судим? Неправильно как-то получается. А Путята встал и громко огласил свое решение:

– Раз добавить больше нечего, так замолчите вовсе. Слушайте слово мое! Святослав Игоревич, вина в убийстве, по умыслу совершенному, тобой не доказана, действовал ты, как и полагается свободному князьему человеку. Вступился за мое имущество и обиду не за что претерпел. Благодарю тебя за службу. Кожемякам присуждаю уплатить гривну серебром за суд княжий и две гривны за навет потерпевшему. Ворожбы в твоих действиях нет, крестным знаменем от навета очистился. Все, слово мое сказано. Пусть все услышат. А коли кто мстить захочет, так пусть знает, что Святослав отныне отрок мой. Месть к нему на себя принимаю.

Святослава просто распирало от важности. Его прилюдно оправдали, объявили княжим человеком. Наконец, за него вступились. Приятно чувствовать себя частью чего-то цельного, сильного. Этим и гордиться не грех. Суд само собой был постановочным. Стряпчий Святославу уже давно объяснил, что нужно говорить. Но Романов приукрасил, хорошо получилось, сам

собой был доволен. Ярослав поздравил друга. Молодой княжич относился к тому типу людей, с кем всегда легко. В первый раз увидел человека, а как будто всю жизнь его знаешь. Всегда веселый, разговорчивый, улыбается, даже не подумаешь, что варяг. На охоту пригласил. Завтра мишку брать будем. Потом все пошли купаться, жарко на улице, а Святослав задержался. Подошел к Аленке. Девочка дулась, ее тут битый час вещью называли. Кому понравится?

– На охоту поедешь? – спросив, девочка робко поправила плащ на плече Святослава.

– Поеду. С Ярославом хоть на охоту, хоть в сечу. Я теперь княжий человек, отрок.

Аленка сморщила носик.

– На медведя опасно. Мал ты еще княжьего зверя брать. Вдруг замнет тебя лесной царь?

– Мне мишка не полагается. Князь его сам брать будет, я для страховки. Большую честь мне оказали. Из отроков на медведя никто не ходит, один я пойду.

Девочка взяла ладонь мальчика, сжала.

– Не ходят, потому что рано еще. Мишка – зверь грозный, не ходи. Предчувствие у меня не доброе. Скажись болезным.

Улыбка с лица парня сошла. Ну что ж такое, ни дня спокойно пожить нельзя, каждый день что-то случается.

– У меня, малышка, каждый день предчувствия нехорошие. Вот как открою глаза, посмотрю на мир, средневековье – и сразу предчувствия нехорошие. Ты лучше вот что знай: твой отец холоп рядный, так что в грамоте цена каждого из вас указана. Я вас выкуплю, у дяди денег попрошу, он мне не откажет.

Аленка зарделась, покраснелась вся, грудку выпятила, платочек мнет.

– А зачем? – запнувшись, спросила девочка.

Святослав задумался. Да ясно же зачем, чего тут думать!

– Друг ты мой лучший. Не могу я уже без тебя. Лечить меня будешь, ругать, когда я глупости всякие творю. Будешь ведь?

Девочка улыбнулась, просветлела.

– Буду!

Глава десятая. Дикая охота

Охотник из Романова был еще тот, пару раз из ружья по рябчикам стрелял, а тут собрался идти на царя зверей. При том что мишка здешний совсем не тот затравленный зверь, что скрывался от людей в лесах в его время. Медведи здесь достигают до тонны весом, ни человек, ни сам черт им не страшен. Единственным оружием, которым умел пользоваться Святослав, был лук, но для медведя стрела, что слону дробина. Отмахнется и не заметит. Правда, как надеялся Романов, участвовать в охоте ему не придется, это больше почетная должность, чем реальная повинность. Но все оказалось иначе. Княжья охота – это не то же самое, что пиршество при дворе французского короля, где на охоту едут с кучей слуг, выпивкой и женщинами. Здесь охота на медведя – это часть воинской подготовки, идут на охоту малыми боевыми группами. К примеру, Святослав вошел в группу Ярослава, в которую входили еще Даниил, десятник Годым и гридень Непряда. Плюс в качестве усиления егерь с парой собачек звероподобного вида. И была это именно боевая группа, то есть у каждого была своя роль. Святослава, к его большой радости, поставили в арьергарде, прикрывать с рогатиной тыл группы. По мнению Романова, это была самая безопасная диспозиция, но оказалось, что все не так просто, как он думал. Как ему потом пояснил дядя Скулди, медведь хитер и опасен, если учует человека, то не поперет напролом, а попытается обойти и выйти на тропу, где ранее прошел человек, а потом, пройдя по ней, ударить с тыла. Все как у людей.

Доспеха у Романова не было, да и ни к чему он ему. С такой комплекцией хоть в латах, хоть без них, мишка из Романова одним ударом дух выбьет. И с луком тыл прикрывать Святославу никто не дал, вооружив его мощной рогатиной, длиной под его руку, и щит дали небольшой. На голову шелом нацепили, так, на всякий случай. Лук все же Святослав с собой взял. Мало ли пригодится.

Сначала двинулись на лошадях на север, в степи медведя искать бесполезно, ему лес нужен. Десятник Годым сказал, что знает, где найти знатного медведя. Такого, что только князю по силам его на копьё принять. Так что туда и направились. Двигались больше суток, тремя отрядами, авангард, центр и арьергард, поочередно меняясь местами. Это тоже часть обучения воинов, отработка, так сказать, на практике приемов движения по вражеской территории. Здесь территория была своя, но лучше сразу привыкнуть стеречься от врага, чем потом неожиданно попасть в засаду. По пути один раз остановились на привал в небольшой лощинке у ручья.

В отличие от Святослава, для остальных это была обычная охота. Подумаешь, завалить мишку – и не таких брали. А вот Романову стало страшновато. Еще и Аленка со своими предчувствиями. Вечером на привале Святослав до полуночи просидел у костра и не мог заснуть. К нему подошел Ярослав и сел рядом.

– Не спится?

Святослав утвердительно качнул головой и потянулся всем телом.

– Предчувствие плохое. Может, просто страх, я ведь на медведя никогда не ходил раньше, а он посильнее половца будет.

Ярослав улыбнулся и подбросил полешко в огонь.

– Медведь хоть и силен, но он просто зверь. Если все правильно сделать, то возьмем его тепленьким, даже не опомнится. За человеком охотиться гораздо опаснее, ты у того идола в такой передрыге побывал, что тебе теперь сам черт не брат. Любит тебя Господь, любой другой на твоём месте лежал бы уже в могиле у того идола, а ты жив и здесь со мной разговариваешь. Так что ложись спать, завтра будет тяжелый день.

Святослав открыл флягу, глотнул разбавленной медовухи и протянул Ярославу.

– Может, ты и прав, только мне сны снятся, которые потом сбываются. Боюсь, что лягу спать и снова что-то страшное увижу. Наверное, это мое проклятье.

Князь отпил из фляги и вернул ее Романову.

– Это не проклятье, это дар. Ты видишь то, что не видят другие. Многие мечтают о таком даре, я тоже. Только не полагайся полностью на свои сны, они могут запутать тебя. Так было с моим предком, он неверно истолковал сон и поплатился за это жизнью.

– Иногда мне кажется, что я избранный, что создан для чего-то большего, для великих свершений. Глупо, наверное, так думать.

Ярослав снова улыбнулся.

– Кто знает, может, так и есть. Правда, мне кажется, что каждый мальчишка мечтает о величии. Стать великим полководцем и завоевателем, создать свою империю, как Александр Македонский. К сожалению, это все только мечты, я тоже раньше мечтал, но мир жесток и беспощаден, от нас мало что зависит, и мы вынуждены просто играть свою роль.

Святослав, удивленно вскинув брови, поднял взгляд на Ярослава.

– Странно слышать такие речи от тебя, ты все же князь, сын великого князя владими́ро-суздальского Всеволода. Ты и вправду можешь создать империю, воплотив свою мечту, объединив княжества, возродить Киевскую Русь в былом величии. Я же вижу, ты достоин этого и тебе это по силам.

Ярослав печально вздохнул.

– Я младший в роду... Когда стану князем владимирским, я буду совсем стар, а если пойду сейчас силой занимать чужие столы, то на меня набросятся все, даже мои братья и отец. Мне не по силам их одолеть. Так что уже ничего не изменить, по крайней мере не мне и не сейчас.

– Я бы пошел за тобой, многие бы пошли. Руси нужна единая рука, которая объединит все племена, не должно быть новгородцев и суздальцев, должны быть русские, единый народ, под рукой сильного князя... Только так мы сможем выстоять против внешних врагов.

– К сожалению, мы больше привыкли сражаться друг с другом, чем с чужаками. Ты идеалист, мой юный друг. Но мне нравится полет твоих мыслей.

Ярослав встал и, похлопав Святослава по плечу, направился к лежанке.

– Ложись спать, ты слишком молод, чтобы думать о таких вещах. Да и мне рановато. Если кто-то услышит наши слова и передаст их моим старшим братьям, то нас могут убить, – через плечо бросил князь Романову.

Ярослав ушел, а Святослав продолжил сидеть у костра.

«Вот, значит, как, я не первый, кто думает об объединении Руси. Тот же юный Ярослав хотел бы покорить остальные княжества и стать по-настоящему великим князем. Только это, оказывается, не так просто, как кажется. Чтобы спасти Русь, ее сначала придется сжечь, вот такой парадокс получается. Не уверен, что я готов убивать своих братьев даже ради великой цели».

Святослав лег на лежанку и укрылся плащом. Сон был беспокойным, но вещих снов не снилось.

Подняли всех засветло, быстро перекусили, собрались и двинулись в путь. Непряда постоянно травил какие-то байки, повествуя о своих похождениях в теремах купеческих дочек в Киеве. И было их столько, что Романову показалось, что гридень из тех парней, что постоянно рассказывает о своих победах на любовном фронте, а сам как был девственником, так им и остался.

– Залезаю я вечером в терем к купеческой дочке через окно, а она в одной нательной рубашке, которая такая тонкая, что каждый изгиб тела видно... Груды как дыни, бедра как борт корабля, вся такая мягкая, гладкая, манящая и ручкой себя там, где пушок, поглаживает, аж по ногам течет, и губки покусывает. А я такой замер на подоконнике, рот раскрыл, аж слюна

на пол капает и глаза навывкате. Я аж весь горю, ни о чем кроме ее сладкого местечка думать не могу. Лямку дернул, чтоб штаны спустить. Мой богатырь вырвался, грозит копьём вражине. А она как на ложе задницей плюхнет, ноги раскинет, чуть ногами опорные столбы кровати не перерубила. Ну я ж мужик видный, не удержался, заревел туром, перешел в галоп, опустив копьё наперевес, да только забыл, что на подоконнике со спущенными штанами стою, запутался в портках, да как грохнусь на пол, аж до самой кровати докатился. Думал, своим копьём пол прошиб, до чего громко балки заскрипели. Ну, думаю, конец мне, сейчас слуги с топорами сбегутся, а я своим естеством как дятел меж балок застрял. Хорош гридень получается. Девка встрепенулась, за дверью мамка запричитала. Кричит, мол, Юленька, что с тобой, дорогая, никак ушиблась? А я как заржу, словно конь. Да чего этой кобыле будет, вон она, чуть кровать не проломила и ничего, даже ни царапинки на ней. А вот мне больно, я тяну его из щели, а он не идет, упирается. Кричу Юльке, тащи масло, вытаскивать меня будешь. А она, стерва, посмеивается надо мной, от смеха аж с кровати упала и крынку со стола с молоком смахнула. Так это молоко прямо мне под морду стекло. Лежу я теперь на полу и языком молоко с пола, как кот, слизываю. А чего делать, не захлебываться же в нем. Девка от смеха уже по полу катается, а мамка не понимает ничего, в дверь колотится. Кричит: Юленька, я спасу тебя, сейчас папку позову. Мне уже и девку совсем не хочется, лишь бы до дома добраться, слышу топот копыт по лестнице. Раз удар в дверь, я рванул, но не вытащить естество, еще удар, я снова рванул и вот на последний удар понял: либо сейчас освобожусь, либо меня ее папенька «освободит». Деваться некуда, удар в дверь, а я как рвану, так вместе с половицей вырвался и в окно. Половица в окно не прошла, впрочем, – я тоже. Половица переломилась, я нет. Богатырь крепче деревьяхи бездушной. Вышел на улицу со второго этажа вместе с оконной рамой и ставнями. Штаны как парашют сработали, приземлился я на кусты крыжовника, да со ставнями на голове, как в скворечнике. Тут-то я понял, что все, что было до этого, – просто цветочки. Шипастые ветки крыжовника мне туда попали, куда приличный мужчина никого не пускает. Слышу, тещь собак спускает. Кричит: ату его, ату. Но это уже как-то второстепенно прозвучало, с крыжовником в заднице собаки уже не страшны. Перепрыгнул я, в общем, частокол в три сажени, бегу по улице в скворечнике и без штанов, а за мной куст тянется. Девки идут – смеются, мужики сочувствуют, но тоже ржут, гады. Вот как-то так добежал я до дома. После этого полгода по бабам не ходил, зарёкся. Правда, в конце концов не сдержался.

Хохотали парни без остановки целый час, слезы гроздьями текли. Еще и подзуживали неудачливого Казанову. Святославу, конечно, тоже было что рассказать, но он благоразумно помалкивал. Ему как бы еще не положено в силу возраста о том, чем взрослые в темноте занимаются, рассказывать.

Тут неожиданно слово взял Ярослав. Ему вроде в силу статута байки травить не полагается, да еще похабного содержания, но парень не удержался.

– А мне мамка, когда мне тринадцать зим было, ключницу подсунула. Ей лет шестнадцать было, в самом соку. Я тогда от рук совсем отбил, мамка влияние надо мной потеряла, вот и решила через девку вновь надо мной авторитет обрести. А мне все охоты да пиры интересны, девку даже не замечаю. Пришел я как-то раз с пира в свою светлицу, разулся, развалился на шкурах, а тут эта ключница в проеме стоит, и на ней даже рубахи нет. И говорит мне такая: возьми меня, мое ладо. А я смотрю на нее и думаю, да как же она не замерзла от холода, зима ведь на дворе. Хватаю шубу и накидываю на нее, а она целоваться ко мне лезет. Я понять ничего не могу, с дубу девка, что ли, рухнула. Я ее и так отпихну, и этак, а она все лезет и лезет. А у меня солдатики на столе бронзовые стоят, и Александр Македонский на меня со стола неодобрительно взирает. И вспомнил я тогда, что битву не закончил. Персы уже правый фланг обходят. Кричу ей: уйди, девка, негоже князю своих воинов в бою бросать... Схватил веревку, скрутил ее в шубе, положил на кровать, а сам битву пошел заканчивать. Так она и пролежала там до утра, меня всякими ласковыми словечками называя. Да какое там, битва мне милее.

Хохот так и не стихал, вот тебе и боевое охранение, авангард называется. Бери их тепленькими, за версту слышно. Но ехать было весело, Святослав даже не заметил, как время пролетело.

Святослав поравнялся с Непрядой, нравился ему этот балагуристый парень, похожий на цыгана.

– Тебе бы гусяром на торге играть и байки сказывать, цены бы тебе не было. Как ты в дружину-то попал такой веселый? – отсмеявшись, обратился Романов к гридню.

Парень махнул рукой, мол, да ничего интересного, но все же ответил:

– Мамка моя из теремных девок, на пирах гридням прислуживала, вот и нагуляла меня с каким-то воином. Кто из дружины мой папка, я так и не ведаю, может, кто залетный был. Жил я при детинце, сначала в конюшне прислуживал, сам видишь, вид у меня цыганский, вот и поставили меня туда, чтобы коней не воровал. Мамка потом от лихоманки померла, остался я совсем один. А потом меня в отроки взяли, был у меня талант с саблей управляться. Так и стал я гриднем у Ярослава. Обычная история, много нас таких в младшей дружине.

Судьба, конечно, у него так себе. Хотя парню повезло, он теперь воин, дружинник, а не какой-то там холоп. Так что мамку ему стыдиться нечего, она, считай, его гриднем и сделала, статус ему дала. А то, что по сути шлюхой была, так это уже дело третье. Теремных холопок здесь не осуждали, они, чай, не за деньги в постель ложились, а по долгу службы.

– Мне жаль твою маму. Я помолюсь за нее.

Гридень махнул рукой.

– А что ее жалеть, ничего особенного. Жила, дитя растила, заболела и померла. Все как у всех. Сейчас у нее там жизнь всяко лучше, чем здесь. И молиться за нее не нужно, есть кому за нее помолиться, я каждое воскресенье священнику плачу, чтобы он ее в своей молитве помянул.

– А братья, сестры у тебя есть? Или жена?

От слова «жена» гридень аж поперхнулся.

– Чур тебя, чур! Скажешь так скажешь, все настроение испортил. Нет у меня никого, и слава богу. Дружина – моя семья, вот Годым – папка. Да, Годым? – обратился Непряда к десятнику.

Годым повернул голову на непутевого гридня и очень так недобро посмотрел. Явно три наряда вне очереди.

– А ты сам-то что здесь делаешь, прости, конечно, но тебе в гридни рановато, в детских года три еще ходить?

Святослав ловко вытянул лук из садка, упер в бедро и накиннул тетиву на плечи. Хорошо так получилось, а потом как гаркнет вороной, что все птицы с ветвей сорвались. Тетерев вспорхнул из густой травы, намереваясь уйти от шумных соседей, но Святослав вскинул лук и пустил широкий срез в птицу. Тетерев взмахнул крыльями и рухнул камнем в траву.

– Хороший выстрел.

– Вот потому я и здесь, никто так, как я, бить из лука не может, – расхрабрился Романов, уверовавший в свое превосходство, по крайней мере в стрельбе из лука.

Десятник Годым снисходительно улыбнулся и достал из чехла свой лук, и был это не просто лук. По сравнению с оружием Святослава это был настоящий противотанковый ракетный комплекс. Лук был украшен шелком и его плечи были в два раза длиннее, чем у Романова, и усилены стальными вставками. Годым не менее ловко накиннул тетиву, при этом Святослав сразу понял, что ему такой лук даже не согнуть. Десятник достал стрелу, накиннул на тетиву и резким движением оттянул с перетягом и отпустил. Широкий срез как снаряд из мелкокалиберной пушки пролетел над поляной и перерубил ствол дерева толщиной с запястье. Деревце накренилось, и его крона повалилась наземь.

– Не подумай, паря, что я хотел тебя унижить. Ты правда хорошо бьешь из лука, года через четыре тебе не будет равных, но сейчас ты всего лишь отрок. Я видел много таких юнцов, что возомнили себя великими богатырями и погибали из-за этого в первом же бою, – обратился десятник к Святославу.

Вот так, Романова вновь опустили на грешную землю.

– А ты, Годым, давно служишь? – обратился к десятнику поравнявшийся со Святославом Даниил.

Годым пригладил аккуратную бороду и, сбросив тетиву, убрал лук в налуч.

– Сколько себя помню, боярин. Сначала галичскому князю Мстиславу служил, потом отцу Ярослава Всеволоду, а вот теперь его сыну. И мой отец служил, только черниговскому князю, и дед мой тоже. Все погибли, дед в походе на половцев в степи погиб, отец – в усобице княжеской. Грядни Всеволода его и порубили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.